

*В Вихре
Времени*

ПЕРВО- ПРОХОДЕЦ

Бомж
с планеты Земля

Валерий БОЛЬШАКОВ

Валерий Петрович Большаков

Первопроходец. Бомж

с планеты Земля

Серия «В вихре времен»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42667019

*Первопроходец. Бомж с планеты Земля / Валерий Большаков: Якуз-Каталог; Москва; 2019
ISBN 978-5-6040916-0-9*

Аннотация

Однажды он потерял все – дом, работу, семью, память... Он забыл свое имя и дом. Возможно, он был богат, но теперь его удел – нищета бомжа.

И вдруг даже не ирония, а насмешка судьбы – человек без имени оказался на иной планете. Другой мир – другие правила! Там никого не интересует, кем ты был на Земле, а имя... Да назовись, как хочешь! Оценивать тебя будут исключительно по крепости твоих мускулов, твердости характера и умению метко стрелять.

Александр по кличке «Бомж» испытает себя в роли каторжника на руднике, вольного сталкера среди руин исчезнувшей цивилизации, обретет друзей среди людей и

гуманоидов, и однажды разгадает мучительную загадку – узнает о себе все, и очень удивится своему открытию...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	43
Глава 4	56
Глава 5	71
Конец ознакомительного фрагмента.	85

В вихре времён

**Валерий Большаков
Первопроходец. Бомж
с планеты Земля**

Глава 1 Подмосковный вечер

С утра подмораживало, и мне в моем «пухляке» было не жарко. Но на рынке я согрелся – Сурен подогнал целый грузовичок, затаренный мешками с луком, и я один все их перетаскал на склад. Запарился даже.

– Все, парой, – громко позвал я хозяина, – сгрузил!

– Ай, молодец! – отозвался тот и колобком вкатился в овощехранилище. – Спасибо, Саша-джан!

Словно из воздуха вытащив пятисотку, он вручил ее мне. Я принял деньги, кивнув, и сунул их в карман. Молча.

Нет у меня привычки благодарить за то, что заработано.

Сурен вздохнул с какой-то бабской жалостливостью и сказал негромко:

– Вот уважаю я тебя, Саша-джан, за то, что не теряешь достоинства. Вот уважаю!

И протянул мне руку. Я криво усмехнулся и пожал волосатую конечность. Не теряю, значит, достоинства...

А для меня это совсем не сложно – большего ничего и не имею!

Но все равно, ласкает слух.

Натягивая шапку-чеченку, я проводил Оганяна глазами – тот уже укатился обратно в торговый зал чего-то разруливать.

Сурен – обычный коммерс, жесткий, прожженный тип, который не церемонится с чужаками. И кинуть может, и развести, зато за своих горой стоит.

«Парой» – это вежливое, но официальное обращение, означает оно обычное наше «господин», а восходит к титулу «барон», занесенному в Армению крестоносцами. Так вот Сурен мне как раз и напоминает такого дона Пампу, средневекового жизнелюба.

Такой своих людишек в обиду не даст. Наказать может, коли за дело, но и подсобит, если что. Как не порадеть за своего человечка?

Я натянул пуховик и вышел на холод. Еще светло было, хотя солнце село уже.

Рыночные ряды почти опустели. Последние торгаши, задержавшиеся в надежде слупить пару тычонок с припозднившихся покупателей, спешно собирали товар, распихивая его по гигантским сумкам-чувалам и заваливая ими тележки.

Субтильный Гриша из братии грузчиков едва стронул такую с места. Он напрягался, выгибался дугой, скреб сапогами по земле, пыхтел, выдавливая маты из тощей груди, и вот транспортное средство нехотя покатилося – громадная куча сумок и мешков угрожающе покачивалась, готовясь рухнуть и погребя Гришку под китайским ширпотребом.

Рынок стремительно пустел, и эта малолюдность да кучи мусора – оберточная бумага, хрустящие пакеты, которые ворошил неласковый ветер, картонные ящики и коробочки изпод «Доширака», – все это навевало тоску.

А сверху приспускалась хмурая облачность. Косые пальцы столбов, невежливо тычась, указывали на тучи, а черные голые ветви деревьев словно взывали к небесам, страшась холодов и умоляя отвести зиму.

Небеса равнодушно молчали, перемешивая серую рванину кумулюсов...

Я вздохнул и прибавил шаг. Холодно как...

Завтра надо будет свитер надеть, тот, что с дырой на спине. Под пухляком не видно.

Додумывая эту житейски состоятельную мысль, я расслышал отчаянный девичий крик. Что еще не слава богу?

Из-за киоска на углу выбежала девушка в расстегнутом пальтишке, из-под которого ярко краснела вязаная кофта, а на голове подпрыгивал синий помпон шапки. Даже отсюда было видно, что ноги у бегунии длинные, обтянуты цветастыми леггинсами и обуты в ношенные сапоги цвета кофе с молоком.

Девчонка припустила мимо рядов, устремляясь к складам, слепленным из сэндвич-панелей, и тут же показались преследователи – двое парней в модных прикидах. Мажоры.

Парни гоготали, скача вдогонку за своей добычей.

Парочка торговцев сделала вид, что ничего не происходит, лишь головы в плечи вжала под накинутыми капюшонами да поспешила удалиться. «Моя хата с краю, ничего не знаю».

Вполне понятная жизненная позиция, вот только меня по другому рецепту делали – не люблю, когда девочек обижают.

Джентльмен я, рыцарь «бла-ародный». Дурак, короче.

Глянув вслед убежавшей девушке, я увидел, что та попала – угодила в тупик и заметалась между стенами складских помещений.

Мажоры добежали и остановились, переводя Дух.

– Ну, ты нас загоняла! – весело сказал один из них, в рыжей дубленке, упирая руки в колени. – Ф-фу-у! Прямо чемпионка по бегу! Давай, заголяйся.

– Только по-быстрому, – добавил другой, в толстовке «Ливайс», – а то холодно.

– Не трогайте меня! Шо я вам сделала? – заверещала «добыча». – Отпустите! Я не хочу-у!

– А мы хотим! – загоготал «загонщик» в толстовке.

Оба двинулись к девушке, разведя руки и глумливо повторяя «У-тю-тю!» да «Цып-цып-цып!» Девчонка прижалась к стене и закрыла лицо руками в варежках.

А молодая особа явно за модой не следит, заметил я отстраненно, как бы вчуже. Одно из двух – или у нее отсутствует вкус, или тупо нет денег. Скорее, второе – вон, даже варежки разные – одна синяя, с вышитой снежинкой, а другая – малиновая.

Неторопливо приближаясь, я оказался у мажоров за спиной – те от вождения и страх, и опаску утратили. Росту я немало, поэтому начал с того, что врезал типу в дубленке ребром ладони по шее. Тот хрюкнул только и сунулся мордой в запакощенный сугроб. Его товарищ в толстовке сначала очень удивился, а потом полез на меня, воспылав жадной мести. Зря.

Я врезал мажору между ног, а когда тот согнулся в три погибели, шипя от боли, выпрямил его апперкотом, с удовольствием плюща противнику губы и нос. Парнишу вздер-

нуло, и я закончил комбинацию локтем в челюсть – мажора отнесло и впечатало в стенку. По ней он и сполз, опрокидываясь на утоптаный, обильно политый мочой снег. Там тебе и место.

– У него пистолет! – взвизгнула девушка.

Я резко обернулся к вырубленному дублен-коносцу. Тот уже стоял на четвереньках и лапал оброненный «ПМ».

Пневмат или огнестрел, я разбираться не стал. Подскочил и всадил носком ботинка по печени этому Вильгельму Теллю недоделанному Казанове доморощенному.

Тот опять хрюкнул и перекатился на спину Готов.

Пистолет я подобрал и сунул в карман. Пригодится в хозяйстве.

Встретился глазами с девушкой – она смотрела на меня, будто на ангела, явившегося с благой вестью.

– Пойдем, – буркнул я, – провожу.

– О-ох... – простонала моя визави и стала нюнить. – Спасибо вам огромное-е!

– Да ладно...

Бочком между двух еле ворочавшихся тел девчонка прошмыгнула ко мне, и мы зашагали прочь отсюда, с места неудавшегося преступления.

Выйдя за ворота, я спросил:

– Тебя как звать хоть?

– Марина, – ответила моя нечаянная спутница и шмыгнула носом.

– А живешь ты где?

Марина вздохнула грустно-прегрустно:

– А нигде... С Украины я. Нас набрали целый вагон. Сказали, шо на работу в самой Москве устроят, а мы уже потом, с полочки, рассчитаемся и за проезд, и за питание... Приехали мы, паспорта у нас отобрали – и на улицу всех. Этими... ну..

– Проститутками? – догадался я.

– Ну, да... А бригадир наш оказался вовсе не бригадир, а этот... ну...

– Сутенер?

– Ага... Я, как только до меня дошло, сразу деру дала.

Они за мной погнались, но я убежала.

– Да-а, бегать ты умеешь.

– Ага... И теперь ни документов, ни денег, ничего... Месяц уже бичую.¹

– Ну, на бичиху ты пока не тянешь, – усмехнулся я. – Не несет от тебя, маты не гнешь, да и голосок не пропитый... Я и сам бомж, так что бомжих всякого разбору навидался. Ладно, пошли.

– А куда?

– Устрою тебя на первые дни, а там видно будет.

Не спрашивая больше, Марина доверчиво зашагала ря-

¹ Бичевать – от слова «бич», производного от англ. beach – берег Первоначально в СССР «бичами» называли моряков, списанных на берег за пьянку, но постепенно этот статус был перенесен на всех опустившихся, спившихся людей, перебивающихся случайными заработками.

дом, подлаживаясь под мою походку.

До станции добрались быстро, а скоро и электричка моя подошла. Если повезет, то контролер припоздает, и мы успеем выйти, не заплатив.

Вообще-то, я не только «благородный», но и честный, законопослушный и все такое. Однако и экономный тоже...

Когда бабосов нехватка, совестьливость притупляется.

– А куда мы? – шепнула Марина. – В Москву?

– Да нет, поближе. Нам до Храпуново, там рядом деревня – и дачный поселок, где я живу.

– Прямо на даче?

– Прямо. Хозяйкой там одна бабуська, вот я с ней и договорился. За домом смотрю, печку протапливаю, починяю, где нужно...

Я осмотрелся. Вагон был полупустой. Ближе к нам тетка в платке дремала, сонно кивая головой, словно соглашаясь со всеми. За окном плыли окраины Электростали. Уже заметно стемнело, и местность казалась неуютной в сумерках – расплывшиеся в черноте подступавшей ночи дома, выстроившиеся в ряд за путями, выглядели угрюмыми, косо попиравшими серый снег, а свет автомобильных фар, изредка оказывавший их облупленные бока, лишь усиливал впечатление унылой запущенности.

Я тут же вспомнил, как прошлой зимой бродил по вечерним московским улицам, как повсюду светились окна, открывая чьи-то жития, а я шел один, без дома, без семьи,

без имени даже, и мне было тоскливо и холодно.

И минус на градуснике тут был ни при чем – не тело зябла, душа.

– А почему – на даче? – удивилась Марина.

– Я же сказал – бомж я.

В ответе моем прозвучали нотки раздражения – не люблю я про свой статус говорить, не лучшая это тема.

– Да поняла я, поняла, – зашепила девушка. – Просто не поверила сразу. Вы... ты и бритый, и одет прилично...

Я усмехнулся.

– Это моя парадно-выходная форма. В ней я... хм... родился, скажем так. Вот, вертится в голове одна фразочка, сам не знаю, откуда, – «жизнь дается лишь дважды».

– А-а! – обрадовалась моя спутница. – Так это фильм был такой, про Джеймса Бонда!

– Да? Буду знать...

Мне вдруг захотелось рассказать Марине обо всем, что со мною приключилось. Откровенность мне, мягко говоря, не присуща, но доверчивость этой девчонки сама по себе располагала к тому, чтобы открыться.

– Это случилось прошлой зимой, – начал я, – одиннадцатого декабря, где-то в том районе, где шоссе Энтузиастов пересекает МКАД. Помню, вечер был. Мороз не стоял, и ветра чуть, снегу насыпало чистого, пухнастого. Помню, как я вышел на свет, под самый фонарь, мою тень помню, четкую такую, а потом еще чья-то появилась. И сразу удар по голове...

– Ой... – шепотом сказала Марина.

– Да-а... – поморщился я. – Очнулся от холода, и сразу больно стало. Отжался, а пальцы совсем онемели. Закоченели. Я на колени кое-как поднялся, греть стал руки, а башка разламывается просто. Кровь на волосах подсохла, и на щеке, как корка, да еще мутит меня – видать, сотрясение заработал. Но это все так, мелочи. Главное, я память потерял. От слова совсем.

– Как?! – выдохнула девушка. – И ничего-ничего не помнишь?

– Ни-че-го, – отдельно проговорил я, ежась, словно от прошлогоднего холода. – Вся моя жизнь усохла до вот этого года. А кто я был, где жил, кем работал – понятия не имею. В карманах ни денег, ни документов. Наверное, тот, кто меня по башке треснул, все забрал, вместе с курткой, или что я тогда носил. В одном-то камуфляже не походишь особо. Вот так... Шофера-дальнобойщики поделились бинтами из аптечек, я кое-как голову перевязал. Ночью холодно было, еще и ветер поднялся, а укрыться-то негде! Хорошо еще, Кириллыча встретил, бомжа со стажем. Тот меня в какой-то подвал отвел, а там теплотрасса проходила, вот мы на трубах и устроились. Матрасы, помню, черные от грязи, но мне было не до брезгливости – упал и заснул.

Марина вздохнула.

– Ужасно... – пробормотала она.

– Да уж... – вздохнул я. Мне как-то даже полегчало, буд-

то я часть своей беды перегрузил на эту девчонку. И сразу стыдно стало. Вот же ж, натура дурацкая...

– А потом? – затеребила меня девушка.

Я крикнул от смущения, уже слегка досадуя на себя за излишнюю откровенность. Сколько раз я себе выговаривал, чтоб не повиновался порывам! Но все же облегчение чувствовалось...

Люди ж не зря имеют привычку «делиться» своими горестями – они их именно что делят, щедро, оставляя себе лишь часть былых переживаний. А я ж тоже хомо сапиенс, и ничто хомосапиенсовое мне не чуждо...

– Потом я недели две наведывался на «место преступления», – продолжил я с кривоватой улыбочкой. – Все ждал, что память вернется. Ходил там, на людей смотрел, надеялся, что окликнет кто знакомый, и я хоть имя свое узнаю.

– Так ты даже имени своего не помнишь?

– Я ничего не помню из прошлой жизни, – терпеливо объяснил я. – Долго себе новое имя подбирал, пока не надумал как Пушкин зваться – Александром Сергеевичем. Вот так...

– Ужасно... – повторила девушка. – Это же все равно шо жизнь отобрать. Начисто. Конечно, если задуматься, то шо хорошего у меня было? Тусклое какое-то у меня прошлое, вон, как за окном. И вспомнить особо нечего. Папка меня любил, но он помер, когда мне всего четырнадцать было. Жалко так, до сих пор. А мамку я только пьяной видела... Нет, она не злая, просто меня не любит. Братика моего обо-

жает просто, а я – так... Он же младшенький, так бывает. Раньше я из-за этого плакала, папушке жаловалась. А потом привыкла. Но все равно, я же помню, где родилась, где росла, в какую школу ходила! Год назад... Год назад у меня выпускной был...

Я вздохнул, будто повторяя маринин вздох.

Трудно быть бомжом.

Надо здорово опуститься и опроститься, чтобы нормально себя чувствовать на помойке.

Не знаю, примечал ли я всю эту «бичеву» раньше, в прошлой жизни, а нынче у меня глаз наметан.

Бомжи как бы уступают город «нормальным» и успешным, занимая обочину жизни. Почти все они – люди с ДРП. С добровольно редуцированными потребностями. Все их желания сводятся к выпивке и закуске, к теплomu месту, где можно заночевать.

Бомж – классический маргинал. У него нет семьи, нет работы, он ни к чему не стремится, ничего не пытается добиться в этой жизни. Он изгой, отверженный.

Слезливые дамочки обычно жалеют «бедных бомжиков», но это неправильно. Если человек жрет из контейнеров с отходами, а спит в подъезде, то это его выбор. Здесь нет никакой трагедии, и никого не надо спасать, вытаскивать из нищеты, устраивать на работу, хотя бы потому, что среднестатистический бомж не будет трудиться.

И даже не потому, что он ленив, хотя и это тоже присут-

ствует, а из-за того, что общество со всеми его ценностями и атрибутами бомжу не нужно. Он вне социума.

И тут легко впасть в другую крайность – зачислить всех бомжей в паразиты, в тунеядцев-побирушек. А ведь лодырничать бичам удается не всегда. Каково это – с раннего утра обойти десяток свалок, собирая бутылки? Легко ли так жить?

И далеко не все из них воришки. Множество бомжей живут тем, что «нормальные люди» выбрасывают.

Почему же они упорствуют, эти «лица без постоянного места жительства, почему ни в какую не хотят принять «человеческий» образ жизни? Большинство даже не задумывается над этим – нечем задумываться, а меньшинство... Идеологию и философию жизни на обочине лучше всего объяснил Кириллыч.

На собственном примере.

А зачем мне, говорит, ваши машины и квартиры, работа, семья и прочие радости? Собственность с недвижимостью закабаляют, жена с детьми лишают свободы, работа и вовсе рабство. А жить когда? Ты работаешь, чтобы было на что купить мебель или машину, еду, там, или одежду, опекаешь свою семью, а жизнь-то проходит! Ты живешь лишь тогда, когда делаешь то, что хочешь, и когда хочешь, по своему разумению, а не по приказу начальства или из чувства долга.

Ну и как? Можно ли добиться подобной свободы трудящемуся в поте физиономии своей? Нет. Даже президент кор-

порации или какой-нибудь министр не свободны, они вынуждены жить по утвержденному плану, в согласии с правилами, обычаями, законами, привычками нижестоящих и капризами вышестоящих. Вывод? Чтобы зажить воистину вольным, нужно освободиться от привязанностей и не испытывать желаний.

Вот такой у нас Кириллыч «просветленный». Как Будда.

Спохватившись, я сказал:

– Чуть не проехали. Пошли, нам выходить.

Электричка, задренчав тормозами, остановилась у перрона, и мы вышли. Морозец убавился, и ветерок стих. Сейчас отъедет электричка, и вернется тишина.

Есино не тонуло в потемках – то там, то сям светились окна, а вдоль пары улочек и у магазина горели фонари. Мы с Мариной вышли за околицу, почти тут же переступая черту садового товарищества.

Асфальт в дачном поселке уложили только на центральной, а в переулках тянулись лишь узкие бетонные полосы посередке, чтобы дачники могли пройти в дождь, не измаравшись в грязи. Сейчас, правда, и грунт, и бетон были одинаково укатаны снегом.

Бабуська, с которой у меня были «договорные отношения», приходилась Кириллычу дальней родней, так что Гаутама наш отечественный составил мне протекцию. Хозяйку я постепенно привык бабой Аней величать, а она по-всякому помогала мне. То полмешка картошки оставит, то солений

подкинет. Ну, и я в долгу не оставался – забор, вон, починил, печку переложил, а то дымила. Крышу залатал. А весной обязательно перекопаю огород – баба Аня не признает овощи из супермаркетов, говорит, в них сплошь нитраты.

– Пришли.

Бабушка жила в крепком пятистенке, сам дом окружали яблоньки-дички и кусты смородины, а за ним схоронились под сугробами десять соток.

Отперев калитку, я провел Марину в избу, подивившись дымку, что вился из трубы над почерневшей банькой. Кириллыч, что ли, заявился? Похоже на то.

Потопав в гулких сенях, чтобы стрясти снег с ботинок, я открыл дверь и переступил порог.

Всю середину, как и полагается, занимала массивная русская печь, пол был застелен ковровыми дорожками, вязаными из лоскутков, в уголку пылилась икона – скорее, не символ веры, а дань моде. Баба Аня замуж выходила комсомолкой, и не за кого попало – суженый ее был довольно известным авиаконструктором.

Какая уж там религиозность – бабушка даже имя господне всуе упоминать стеснялась, не принято это было в ее юные годы.

– Здорово, Кириллыч!

Престарелый бомж с длинными седыми волосами и окладистой бородой больше всего смахивал на священника. Хотя не так уж он и стар – вон, морщин меньше, чем у меня! А

однажды, помню, спешили мы на автобус, так Удалов меня обогнал, так почесал! Удалов – это фамилия Кириллыча, я ее случайно узнал, когда деда кто-то окликнул. Сам он не представлялся, я даже имени его не знаю – прячется человек от общества, скрывается за отчеством. Его право.

Щуря глаза за круглыми стеклами очков и шевеля губами, Удалов разбирал текст псалтыря без обложки.

– Здравствуй, сын мой! – проговорил он протяжно, но тут же вышел из роли степенного патриарха, улыбнулся, выкаывая редкие зубы. – И дочь моя, – добавил просветленный бож.

– Здравствуйте, батюшка, – робко проговорила Марина.

– Не юродствуй, Кириллыч, – сказал я, скидывая пуховик и принимая пальто у девушки. – Неужто баню истопил?

– А то! – хмыкнул дед. – Хотя больше думать следует о чистоте не телесной, а духовной!

– Тогда в твоей бороде не то что вошки – мышки заведутся! – парировал я и обернулся к Марине:

– Будешь мыться?

– Ой, а можно?

– Нужно! – рассмеялся я. – Иди, а я пока яичницу пожарю. У меня тут где-то кусочек бекона завалялся...

– Я сейчас!

Девушка быстренько оделась, и я вручил ей бабкино полотенце.

– Шампунь в предбаннике, на полочке.

– Ага, спасибо!

Марина убежала, а я приблизился к печи и погрел руки.

Замерз я что-то...

Раз уж речь зашла о санитарии и гигиене, то и мне не мешало бы привести себя в порядок. Побриться, как минимум.

Нагрев кипятивником воды в миске, я намазал щеки пеной для бритья (в баллончике, который я выудил из контейнера для ТБО, еще немного было) и взял в руку одноразовый инструмент – «Лучше для мужчины нет!»

Соскоблив щетину, утерся одеколоном «Шипр» из бабуськиных запасов. Щиплет, зараза... Зато малость очеловечился.

Поглядел на себя в зеркало. Нос крупноват и уши торчат, губы полноваты... Плечи не поражают шириной... Ну, хоть шея крепкая...

Приблудившийся кот со странной кличкой Трактор выскользнул из лаза в полу, потерялся о мою ногу и не замурлыкал – затарахтел утробно.

– Купил, купил, – успокоил я его, доставая маленький пакетик «Вискаса».

Мучать животное ожиданием не стал, сразу выдавил угощение на блюдечко у печки.

– Ешь, зверюга!

Трактор проворчал нечто вроде «Премного благодарны!» и принялся трескать ужин. Вполне, кстати, заработанный, котяра наш – знатный мышелов.

– Где это ты сыскал ее? – поинтересовался Кириллыч.

– Места знать надо! – хмыкнул я.

Посвятив «просветленного» в недавние события, я поставил сковороду на плиту и плеснул масла из бутылки. Заветный кусочек бекона уже обветрил, отбывая долгий срок в холодильнике, но если его обжарить, выйдет самое то.

– Да-а... – задумчиво протянул старый бомж. – Мне б такую Снегурочку...

– Внучку захотелось, Дед Мороз ты наш? – ухмыльнулся я.

– Не знаю... – серьезно сказал Удалов. – У меня ж все было, все, как у людей...дцать лет тому назад. И квартира, и должность, и два высших...

– Водка? – предположил я.

– А что водка? – пожал дед одним плечом. – Она ж не сама в горло льется, и никто силком не спаивает. Хотим пить – и хлещем заразу. Не знаю... – горестно вздохнул он. – Не знаю, правильно ли я жил? Может, вся моя философия не стоит и замаранной туалетной бумажки? А уже не переиграешь... Вот ты молодец, что не сдаешься, пытаешься как-то на ноги встать...

– ...Встать в строй, – усмехнулся я.

– А чего ж? – построжел Кириллыч. – Войну на помойке не отсидишь, грех! Хоть и не помню я ту ВОВ, мальцом был совсем... Э-хе-хе... Знаешь, что самое поганое в старости? Не болячки вовсе, этого и у молодежи полно. Но даже ты, хоть

тебе уже и под сорок, можешь еще что-то изменить, начать с чистого листа. Времени у тебя впереди не так уж и много, но есть. А я – все, мне одно дожитие осталось, как в себе выражаются... Вот ведь дрянь какая! – скривился дед. – Только начнешь постигать эту самую жизнь, только-только разбираться станешь, что в ней к чему, а она – раз! – и кончается...

– Отставить негатив! – бодро сказал я. – Радуйся тому что есть! Сам же меня учил.

– Я и радуюсь... – увял Кириллыч.

Я внимательно посмотрел на него. Нет, не похоже, что старый сдает, закалка у него та еще. Коли уж перестройку идиотскую пережил и «святые» 90-е, то нынче отдыхать впору.

Надо сказать, что я, хоть и сам бомжую, не сходился с себе подобными. Отталкивали они меня тупостью своей, нечистоплотностью, пришибленностью.

Удалов не такой. Он никогда не запускал себя, всегда был чистеньким, насколько это возможно в мире подвалов, коллекторов и заброшенной «промки» – в местах обитания бичевы. Дед постоянно таскал с собой свой личный стакан, нож и ложку, так что от угощения нечаянного не отказывался, но вот общей посудой не пользовался – брезговал. А раз в неделю, по субботам, обязательно отправлялся в баню. Нормальный, в общем, старикан. И вот, загрустил чего-то.

– Хочешь, съездим завтра в столицу? – предложил я. – Мне Сурен пятихатку выкатил, а Полторашка вчера косарь

вернул. Я даже удивился. Так что мы богаты!

– Чем богаты, тем и рады... – уныло продекламировал Удалов.

– Не парься, Кириллыч! Тебе семьдесят едва! Вон как шустро бегаешь, а если рублик уронишь, так нагнешься и поднимешь. Как думаешь, многие твои ровесники способны на подобный подвиг? Так что...

Договорить я не успел – вернулась Марина, принося с собой волглый запах бани, распаренных веников и «Детского» мыла.

– С легким паром! – заулыбался сразу старый хрен.

– Спасибо! – просияла девушка.

А я удивился – Марина оказалась очень даже *ничего*. Хорошенькая, а пальто не по размеру, как и тюрбан из полотенца, намотанный ею на голову, не портили впечатления. Юный овал лица удивлял изяществом черт – большие, широко расставленные глаза, чей взгляд то и дело прятался, уходил в тень длинных ресниц; яркие от природы губы, как будто немного припухшие; точеный носик, бровки вразлет... Прелесть!

– Прошу к столу! – сказал я, выставляя на большой стол разделочную доску. На нее-о я и опустил сковороду со скворчавшей яичницей.

– О-о-о! – застонала девушка. – Как па-ахнет...

– А то! – гордо сказал я. – Щас я, хлеба нарежу...

Обычно я не употребляю, но за встречу грех не выпить.

Так что я достал бутылочку коньяка, к которой прикладывался месяца три кряду (хреновый из меня алкаш!), и плеснул всем в одноразовые стаканчики.

– Э, э! – осадил я гостей, уже готовых употребить. – Торможите! Вы сначала посуду в ладонях погрейте, пускай коньячок выдохнется малость, он так вкуснее будет.

– Все-то ты знаешь, – проворчал Кириллыч. – Откуда только...

– Из прошлой жизни, – криво усмехнулся я, покачивая «стакашку».

Марина вздохнула и, смущаясь немного, погладила меня по руке. Дед это движение заметил и сказал с наигранной бодростью:

– Не так уж все и плохо, Мариночка! Многое Сашка не забыл – мозг ни в какую, а руки помнят! Как мы тогда, с пистолетом? А? – он обернулся к девушке: – Нашли как-то разгрузку сброшенную, а в ней пистолет и три запасных обоймы. Ну, мы и взяли пострелять – я, Сашка и Афоня, друган наш. Сожгли его летом.

– Как – сожгли? – ахнула девушка.

– А как бомжей жгут? – поморщился Кириллыч. – Афоня на вокзале почивать устроился – картонок подложил стопку, и готово ложе. Ага... Подкатили два урода, облили его бензинчиком и спичку кинули. Афоня кричит, извивается, а те гогочут...

– Ужас какой-то! – сказала Марина впечатленно.

– Вот, такая се ля ви, – развел Удалов руками. – Мы ж не люди, нас можно... Ой, ладно! Ну, так прибрали мы тот пистолетик, а потом на дачах пострелять решили. Думаем, кончатся патроны, мы все и повыкидываем, а то мало ли... Может, из того ствола замочили кого! Я еле разобрался с оружием, а Санька в руку взял, даже не глядя, с предохранителя снял, чик-чик, затвором щелк – и ба-бах! Афоня выставил две пустых консервных банки – Сашка их все снес, каждую с одного выстрела! А я потом бутылку вверх подкинул, так он одной пулей разбил ее в воздухе, а потом еще двумя – доньшко и горлышко, пока те падали. Так-то!

– Ты, наверное, солдатом был! – выпалила девушка. – Нет, офицером!

– Ага, или киллером, – буркнул я. – Доедайте, кому оставили?

– Я уже не могу, – призналась Марина, – объелась! Я... Можно мне... Я так спать хочу...

– Нужно! – улыбнулся я. – Вон спальня, за занавеской.

– А вы? – спросила девушка виновато, со смущением, но и с затаенной радостью.

– Кириллыч на печке греется, а я на диване, – успокоил я ее. – В спальне я все равно не ночую никогда – там бабушкина территория. Так что ложись.

– Ну, ладно... Спокойной ночи!

– Спокойной. Дед, пошли на кухню.

– Ага, ага...

Мы выключили свет в комнате и перебрались на кухню, где запалили керосиновую лампу – нам света хватит, зато не так ярко. Сам терпеть не могу, когда ночью где-то отсвечивает. Люблю, чтобы темно было и тихо. А пока...

А пока восемь часов только, начало девятого, так что можно и посидеть чуток, расслабиться легонечко.

Осторожно подвинув стул, я налил себе и Кириллычу по кружке чая – крепкого, но не сладкого, потому как вприкуску – с конфетами. Роскошь подобную я стал себе позволять лишь с осени, когда начал припахивать на двух работах – через день работал у Сурена, а сутки через трое сторожил лесопилку еще одного олигарха местного разлива. Да и Удалов никогда не заходил в гости пустым. Так и зимовали.

– Симпатяжка какая... – проговорил Кириллыч, вздыхая.

– Да, – рассеянно согласился я.

– Завидую я тебе...

– Господи, чего мне завидовать? – сказал я с подступающим раздражением.

– Ты-то с подружкой, а у меня даже бабы-яги нет...

– Какая подружка, Кириллыч? – ласково сказал я. – Сдурел ты, что ли? Ей семнадцать всего или восемнадцать, девчонка совсем! Да и не думал я ни о чем таком, у меня одно на уме: вспомнить все! Пока не пойму, кто я и что я, никакой личной жизни!

– Суров ты! Прямо, как Добролюбов – «умел рассудку страсти подчинять».

– Нету никаких страстей, – пробурчал я. – А тебе в театре надо служить, будешь Луку играть. Помнишь? Горький, «На дне»?

– Я-то помню... «Человек – это звучит гордо!»

– Угу... Кстати, это Сатина слова, шулер который.

– Это Горького слова, Саня, а «пролетарский классик» врать умел – талантлив был. Да и не он один. Все старые, я имею в виду – авторы, очень любили жалеть проституток. Достоевский Соню Мармеладову жалел, Толстой – Катюшу Маслову, Горький... как бишь ее... Настю, кажется. А чего их жалеть? Они что, рабыни? Или их к постели приковывали? Вон, Маринка – взяла и убежала! И раз уж Сонька Мармеладова пошла на панель, стало быть, выбрала все для себя. А чего ж? Раз-два, ножки врозь – и почасовая такса! Валяешься весь день, а когда клиент является – расслабишься и удовольствие получаешь. Страдалицы нашлись... Да и мы – страдальцы разве? Нет! Ну, не всем судьба прямая и ровная достается, вот у нас – извилистая. Ничего, выпрямим... Ты уж точно. Я в тебя верю.

– Спасибо, – улыбнулся я и зевнул. – Пошли спать.

– Пожалуй... – проворчал Кириллыч. – Ступай, укладывайся. Я обожду, а потом уж задую.

– Давай...

Я добрался до дивана, разделся и лег, накрывшись верблюжьим одеялом. Термобелье я не снимал, под утро могло простудить, а пока печь раскочегаришь... Это тебе не «бур-

жуйка».

Кальсоны с рубашкой мне один алкаш продал – сташил, видать, у торгашей, а мне за сотку отдал. Я ведь, как уже объяснял выше, честный, но без фанатизма.

Нет, хорошее термобелье. Из Южной Кореи. Да хоть из Северной, главное – тепло. А потом тот же воришка мне пару ботинок «вердан» предложил. Для зимы, конечно, обувь не лучшая, зато крепкая. А я все прочное люблю.

И опять этот длинный унылый вздох. Все тоскую по утраченной памяти. Может, там и тосковать не о чем, может, я убийцей был «в прошлой жизни», а вот, поди ж ты...

Все равно чувствуешь себя уродцем, неполноценным каким-то. Пытаешься спешно, наскоряк лепить новую индивидуальность, а получается убожество какое-то. Я старательно прививаю себе разные привычки, чтобы хоть как-то отличаться от ближних и дальних, выделиться, стать непохожим на остальных.

Вон, подсмотрел в мультике такой обычай у смешарика Лосяша – давать собеседнику краткую характеристику – и усвоил его. Так и говорю, как тот мультяшный герой, копирую персонаж, раз уж персоны нету...

Было тихо, только часики тикали да на печке ворочался Кириллыч. Потом все стихло, и я заснул.

Разбудили меня какие-то невнятные звуки со двора. Я прислушался: вроде ходит кто-то...

Осторожно выглянув в окно, я заметил, как мимо дерева с микроскопическими «райскими яблочками» на ветках промелькнула тень.

Та-ак...

Я бесшумно оделся, натянул свои «верданы» и, ступая по половичку, прошел к печи.

– Кириллыч! – позвал я шепотом. – Подъем!

– М-м-м? – отозвался старый.

– Тихо! По-моему, у нас гости.

– Ах ты, мать честна... Щас я. Маринку буди!

– Может, не стоит?

– Сто-оит... – зевнул Удалов. – Одного-двух мы прогоним, а ежели там целая гопа? Уходить придется.

– Ну, ты наговоришь тут...

– Опыт, сын мой, опыт...

Я послушался и тихонько прошел в спальню. Девушка спала, свернувшись калачиком и ладошки подсунув под щечку. Дитя дитем.

– Мари-ина... Вставай.

Глубоко вздохнув, Марина потянулась и пробормотала, не раскрывая глаз:

– Сколько времени?

– Три.

– А чего так рано?

От удивления девушка открыла глаза.

– Во дворе кто-то есть.

– Ой!

Марина стала торопливо одеваться, а я поспешно отвернулся – наша гостья спала в одних трусиках. А грудь у нее красивая...

И точно своя, без имплантов.

Проскользив к вешалке, я не стал пуховик надевать, а сунул руку в карман, лишь теперь вспомнив о трофее. Вынув ПМ, я выщелкнул обойму. Боевые, однако. Ну, хоть что-то.

И именно в этот момент наружную дверь вынесло чье-то сильное плечо. Замочек там был – фигня.

Я мягко отступил на пару шагов, держа пистолет дулом кверху.

Загрюкали шаги, и дверь из сеней распахнулась, в комнату полезли какие-то усатые морды, в форме и с оружием.

А я не придумал ничего лучшего, чем направить на них пистолет и крикнуть:

– Стоять! Бросить оружие!

В ответ вспыхнул свет мощных фонариков, и на меня глянули дула трех «калашей». Огромный человек в куртке ухмыльнулся и сказал:

– Правильно, бросай! Чего прижухли? На выход!

Глава 2

Переход

Так и не стрельнув ни разу я разоружился, и в меня сразу вцепились, не дав даже «пухляк» накинуть.

Нападавшие сразу помяли мой организм. Кое-как прикрываясь и блокируя удары, я перешел в атаку, но тут же наорвался на крепкий ботинок, едва не пробивший мне печенку.

Сон еще не выветрился у меня из головы, поэтому мозги работали туго. Съездив кому-то из служивых в челюсть, я добился того, что мне надавали сдачи, а после скрутили – не рыпайся, мол.

– На выход! – скомандовал огромный.

Не особо церемонясь, нас, всех троих, вытолкали во двор. По конвоиру на каждого. Марина пискнула: «Пусти!», но ее встряхнули, и протесты смолкли. Соппротивление бесполезно.

На улице урчал мотором «Урал». Вежливо помогая прикладами, нас загнали в дверь вахтовки. Я помог подняться по крутым ступенькам сначала Маринке, потом Кириллычу. И плюхнулся на переднее сиденье.

– Все в сборе, шеф! – прозвучал развязный голос сзади. – Трогай!

Я оглянулся. Оказывается, вахтовка почти полная, только

не понять, кем именно.

Тут один из конвойных заглянул к нам, посветил фонариком, и я увидел сморщившихся и усиленно жмурившихся Караса и Полторашку, Хмыря и Серуню.

– Ба! – сделал Удалов театральный жест. – Знакомые все хари!

В вахтовке загоготали.

Тут дверь захлопнулась, и «Урал» заворчал, газуя. Поехали...

Знать бы, куда.

– Я боюсь! – шепнула Марина.

– Не бойся, – сказал я. А что еще скажешь?

Все, что происходило, казалось мне сновидением. Я словно продолжал спать и видеть сны. И мелкие детали, попадавшие мне на глаза, лишь добавляли нереальности творившемуся с нами.

Что это за конвоиры, к примеру? Я слышал, как их старший обращался к подчиненным, называя тех «гвардейцами», но к Росгвардии они не имели никакого отношения. Да и что у них за форма?

На всех были обычные с виду «камки», но расцветки вовсе не зимней, а такой, что ее впору в тропиках применять. В сельве какой-нибудь.

Более того, я видел, что «гвардейцы» отчаянно мерзли, хоть и накинули на себя теплые куртки. Такое впечатление, что конвой и впрямь из жарких мест доставили. Ну, бред же!

Хм. На то и сон.

Причин, чтобы испытывать к конвою ненависть, не было. Они никого не били, тем более не убивали. Ну да, бывало, наподдавали прикладами, и что? Мы же не люди, мы – так, бомжи какие-то, с нами и не так еще можно...

Я не ощущал опасности, просто странно все было, очень странно, непонятно. Вот это и напрягало.

«Урал» быстро доехал до станции, где горели «стопы» еще одной вахтовки. Те же гвардейцы вывели из нее подконвойных и погнали к перрону, куда подкатывал небольшой состав – вагонов десять, пассажирских и товарных вперемежку.

Клацнула дверь нашего «Урала», и грубый голос скомандовал:

– Выходь по одному!

Я спрыгнул первым, снова помогая сойти Марине с Кириллычем, после чего нас погнали к вагонам.

Обычный плацкарт, только окна занавешены. Бомжи, за-талкиваемые в вагон, гомонили и ругались, но гвардии их гомон был до одного места. Распихали нас, и поезд тронулся.

Толкотни и давки не наблюдалось, наша троица заняла целое купе – воздуху и места хватало.

Оказалось, что окна были не только зашторены, но и заделаны изнутри фанерными щитами – наверное, существовали опасения, что подконвойные станут сигнализировать, по-всякому привлекать к себе внимание, вплоть до криков «Спасите! Помогите!»

Я подсел к окну поближе и попытался оттянуть фанеру. Открылась щелочка, в которую я глянул одним глазом. Ехали мы на запад.

– В лагеря нас, братва! – провопил кто-то. – На лесоповал!

– За что? – откликнулся другой голос. – Мы ничего не нарушали!

– Да в расход нас!

– С хера ли?

– Ты не просек, да?! Это «эскадроны смерти», в натуре!

– Ты че, бык в загоне, гонишь?

– Отвечаю!

– Да иди ты!

– Куда?

– В жопу!

– Привет, красава! Все чики, мы уже там, в самой заднице! Обоняй!

– Замолкни!

Началась возня, но я не обращал внимания на телодвижения соседей. Прижав к себе испуганную Маринку, я постарался ее успокоить и даже пристроился дремать сидя. А что еще делать?

Ничего не известно, а еще и четырех нет!

То ли устал я, то ли нервы окрепли, но я и в самом деле заснул. Кириллыч меня разбудил, шепнув, что подъезжаем к Москве.

«Все чудесатее и чудесатее...» – подумал я.

Откуда строчка? Из «прошлой жизни»...

Поезд докатился почти до МКАД и свернул куда-то на боковую ветку вползая с ленивым перестуком в промзону. Было темно, из ночной черноты выплывали приземистые сооружения, огромные ржавые емкости, трубы, решетчатые мачты с давно погасшими прожекторами, а потом яркий свет фонарей вычленил из темноты здоровенный ангар, метров пятидесяти в длину. Вот как раз в огромные двери этого ангара и вкатывал тепловоз.

Когда наш вагон оказался внутри, стук колес усилился за счет эха, а сверху упал неяркий свет ламп. Ангар был почти пуст, лишь небольшая группа людей стояла в отдалении, встречая поезд. Четверо или пятеро.

Все они были одеты очень хорошо, даже так – богато. Их холеные лица были оживлены, четверка или пятерка – нет, именно четверка – переговаривалась друг с другом или затягивалась дымом сигарет.

Состав еле полз, редко постукивая колесами. Вот мимо проплыла массивная рама еще одних ворот, испещренная будто барельефами или глубоко вдавленными узорами, и поезд вкатился... в ясный день.

– Что за хрень? – выдохнул я, жмурясь.

Колеса по-прежнему стучали, озвучивая стыки, вот только рельсы были проложены не по бетонному полу ангара, а по обычной насыпи. А дальше не затоптанными пятнами зеленела травка-муравка, тянулся ряд высоких столбов, между

которыми была натянута колючая проволока, а поверху вилась «егоза». За колючкой проглядывали приземистые корпуса каких-то зданий явно промышленного вида, серебрились гигантские нефтехранилища, вились пучки труб, а еще дальше зеленел лес и синели горы... Да куда ж нас занесло?!

Все было настолько невероятно, что реальность «плыла». Я готовился к полицейскому беспределу, к чистке Подмосковья от нищобродов, чтоб не портили демократические завоевания, да к чему угодно, но только не к сказке, не к чуду!

Как это могло быть, чтобы из ночи в день, из зимы в теплынь, из «Замкадья» – к горам?

Я был собран, дабы встретить опасность, дабы успеть защитить Маринку, а тут такое! Да я просто завис – или, выражаясь в стиле Кириллыча, испытал когнитивный диссонанс.

Целую минуту я просидел, как в трансе, прежде чем встряхнулся и решительно рванул фанеру с окна. С третьего раза лист поддался, и яркий дневной свет хлынул в купе.

Немая сцена.

– Этого... не может быть, – еле выдавила Марина. – Под Москвой нет гор! И лес... откуда он тут – зеленый?

– А солнце в пять утра? – фыркнул Кириллыч. – Три часа до рассвета – и здрасьте!

Бомжи сбились в проходе напротив нашего окна и тоже делились впечатлениями.

– Твою ж ма-ать... – проговорил Полторашка. – А я даже не заметил, как нас усыпили...

– Чего нас? – не понял Серуна.

– Усыпили, балда! А пока мы валялись в отключке, перевезли куда-то! Ну, не знаю... В Индию какую-нибудь!

– Ага! – саркастически улыбнулся Удалов. – В Таиланд по бесплатной путевке! Чего б ты еще придумал!

Выражения остальных, если нецензурщину заменить стыдливым телевизионным «бип-бип», сводились к одной, довольно витиеватой фразе: «Это ж... бип-бип... ну, ни... бип-бип... совсем они там... бип-бип-бип-бип!»

Поезд, между тем, докатился до большого плаца, выложенного бетонными плитами, и остановился, будто выдохся. Тут же забухали сапоги конвоиров.

– На выход! Живо, живо!

– Шнелле, шнелле... – проворчал Кириллыч, поднимаясь и кряхтя. – Пошли, Санька! Мы за твоей широкой спиной...

– Иду, – обронил я и двинулся к тамбуру.

Спрыгнув со ступенек, я, в который уже раз, помог спуститься «Снегурочке» и «Деду Морозу».

Удивительно! Стояла теплынь, а я вздрагивал, как от холода – невероятно творилась крутейшая!

Воздух был чист и наполнен запахами чего-то растущего, в ярко-синем, индиговом небе таял серебристый круг луны. Тут меня схватила за руку Марина – вцепилась просто.

– Туда посмотри! – воскликнула она.

Я посмотрел «туда» – и увидел в небесах еще одну луну, куда больше первой. Какой, на фиг, первой?! «На пер-

вый-второй рассчитайсь...»

– Не-е... – протянул Полторашка. – Так не бывает...

Но оно было! И что это за солнце? Малюсенькое, белое... А эти прочерки белесые в высоте? Метеориты? Я где, вообще?

– Построиться! – разнеслась команда, и гвардейцы забегали, матами, тычками и пинками выстраивая бомжей в подобие рядов и шеренг.

Появился поджарый офицер в лихо заломленном берете, скучающим взглядом обвел строй и неожиданно зычным голосом заговорил:

– От имени и по поручению координатора колонии «Новая Украина» я приветствую вас на планете Манга! – понаслаждавшись нашим обалделым видом, он выдержал «мхатовскую» паузу и продолжил тем же официальным тоном: – Почему – Манга, узнаете на закате, а где именно в Галактике она находится, я не знаю, а вам и не положено. Вы прибыли сюда через портал в ходе планового оргнабора колонистов. Проезжали вы такие ворота, фигурные будто? С чем я вас и поздравляю. Кстати, хочу вас обрадовать – если кто из вас был болен туберкулезом, сифилисом или еще какой гадостью, то теперь вы здоровы – портал уничтожает микробов начисто. Видать, чтобы не занесли сюда заразу с Земли...

Тут к офицеру подбежал некий мелкий чин, лихо козырнул и сообщил, что машины поданы. Поджарый важно кивнул и дал отмашку:

– Сортируйте – и вперед, на отработку!

Сортировку гвардейцы провели в темпе – видать, натренировались, набили руку. Ну, и ногу тоже.

Всех больных и старых погнали налево, здоровых и молодых – направо. Немногих женщин направляли вслед за стариками и недужными.

– Саша-а! – закричала Марина. – Я боюсь! Я не хочу!

Мысленно застонав, я обернулся, продолжая шагать спиной вперед, увернулся от приклада, и развел руками. Дескать, наше время не пришло.

Девушка бросилась было ко мне, но парочка гвардейцев мигом перехватила ее, и Кириллыч поспешно отнял у них «Снегурочку», утешая, как внучку. Пока, «Дед Мороз»...

Старый будто слышал мою мысль – он поднял руку увлеченно гладившую Марину по голове, и помахал мне. Мол, все будет хорошо, и даже лучше.

Я развернулся и пошагал к грузовику. Полторашка шкандыбал следом, уныло матерясь.

А во мне даже злости не было. Все окружающее продолжало казаться сновидением. Чудилось, что видимое мною вокруг вот-вот заколеблется и расплывется, явив взгляду холодные, припорошенные почерневшим снегом закоулки промзоны.

Но нет, не рвалась ткань мироздания, и не линяла даже...

Спотыкаясь, бомжи перешли пути, за которыми серела асфальтом неширокая дорога, занятая колонной грузовиков

с кунгами. Но это были не обычные вахтовки – на крышах кузовов, обшитых листовым металлом, торчали «самопальные» башенки с пулеметами серьезного калибра.

Гвардейцы живо нас погрузили. Полторашка, правда, решил проявить активную жизненную позицию. Алкаш он был потомственный, вот только запас здоровья у него никак не кончался. Полторашка набычился.

– Я никуда... – начал «алконавт» с вызовом, но не закончил.

Сержант, или как этот чин тут назывался, ударил резко, не замахиваясь, «под дыхало».

Бомж согнулся, сипло выдыхая и пытаясь сделать вдох.

– А тебя никто и не спрашивает, – хладнокровно сказал сержант. – Не пойдешь сам, твою тушку отволокут и закинут в кузов! Дошло?

– Дошло... – просипел Полторашка.

Я стоял рядом с Полторашкой. Стоял спокойно, не пытаюсь заступиться. На мой взгляд, мужчина должен сам седлать своего коня. Образно выражаясь.

Уперев руки в боки, сержант выпрямился и в упор посмотрел на меня.

– Ты тоже против?

– За, – ответил я. – Ты так доходчиво все объяснил. Только я не один, со мной были старик и девушка.

Служивый фыркнул.

– Там, куда вас всех, ни девушкам, ни старикам не место, –

снисходительно, тоном бывалого объяснил он. – Съедят. Можешь не переживать, здесь женщин не обижают, а если кто попытается, того и линчевать могут. У нас это запросто...

– По машинам! – разнеслась команда, а я лишь головой покачал.

Жизнь моя снова переменилась, резко и круто, как год назад, в декабре, когда мне память отшибло. Ныне я жив и почти здоров. Только на другой планете. С ума сойти...

Глава 3

Мир иной

Я сидел у самого окна и тупо пялился на мир иной. Именно тупо. Видать, организм не вынес стресса и отключил как чувство, так и разумение.

Стекло было толстым, а снаружи его еще и прикрывала решетка из толстых арматурин. Автозак.

Последним «зэком» оказался молодой парень приятной наружности. Очки в тонкой оправе, которые он постоянно поправлял, создавали образ студента-ботаника.

«Ботан» плюхнулся на сиденье передо мной, лицом ко мне. Я не люблю так садиться, чтобы смотреть в окно не по ходу движения. Но у студента и выбора-то не было, наш автозак был полон.

– Привет! – сказал «ботан», протягивая мне руку. – Лахин. Эдуард. Просто Эдик.

– Просто Саня, – улыбнулся я, пожимая протянутую конечность. Рука у Лахина была крепкая и сухая – терпеть не могу вялых и влажных ладошек, похожих на сырые котлеты. – Что-то ты не похож на бомжа...

– Да нет, – мотнул головой Эдик, – я не по оргнабору, я из спецов. Нас сюда или вербуют, или похищают. Лично меня соблазнили работой на настоящей чужой планете. От такого

предложения я просто не мог отказаться! Я астрофизик.

– Во как! – удивился я. – В первый раз вижу живого астрофизика... А чего ж тебя – с нами?

– На отработку? – весело переспросил Лахин. – Ха! Так это еще и вид наказания. Не высшая мера, конечно, а так – непродолжительная каторга.

– Ясненько... – протянул я. – А за что ж тебя замели?

– За нелояльность, – ухмыльнулся Лахин. – Прилюдно называл координатора Грабаря «царьком», а интеллигенция и на Манге – «говно нации». Тут же настучали!

– Все с тобой ясно...

Я глянул в окно, застав тот самый момент, когда подогна-ли автобус, развалюху «ЛиАЗ», под посадку слишком старых «отработчиков» и чересчур молодых «отработчиц».

Ни Марины, ни Кириллыча я в толпе не разглядел. Да и что я этой Гекубе? И этому Гекубычу заодно?

Наш «Урал», взрыкивая мотором, покатил вдоль прово-лочного ограждения, за которым в вагоны грузили лес – бревнышко к бревнышку, будто калиброванные, и все тща-тельно ошкуренные. Если древесину готовили для отправки на Землю... Тьфу ты! Сразу оторопь, и в башке зависание. На Землю!

В общем, если бревна шли отсюда *туда* через портал, то было понятно, зачем сдирали кору – она была чешуйчатая, как шишка, как рыба. Крупная такая зеленая чешуя – на Земле похожей породы точно нет. Разве что раньше произ-

растали, в каменноугольном периоде, когда первые гады завелись.

Двое работяг как раз возились на лесопилке, заталкивая ствол, куда надо, а третий отгребал лопатой кучу древесной чешуи.

Потом грузовик миновал шлагбаум – рядом стоял блокпост из бетонных блоков – и выехал на улицу поселка. Табличка, прибитая к столбу, извещала, черным по белому, что мы пересекаем границу города Новый Киев.

– Столица сраная... – прокомментировал мой сосед по диванчику, лохматый и нечесаный тип в «спортивке», чиненой не однажды и не дважды.

– Столица? – прищурился я. – А-, ну да... Новая Украина!

– Чего? – вылупился на меня тип с повышенной лохматостью. – А-а! Ты решил, что я... Да не-е... Я тут вторую неделю кантуюсь, еще с прошлого оргнабора. Задержался, ага! На этих гвардейцев сраных кидался, а они меня так отметили, что... Вчера только выписали.

Асфальтированная дорога, минуя пару блокпостов со шлагбаумами, продолжилась улицей. Дома вокруг стояли из тех, что быстро возводятся, – сложенные из бруса и заштукатуренные, а то и вовсе каркасные, обшитые досками, с навесами и фальш-фасадами, как на Диком Западе строили. На одном из таких намалевано было: «SALOON», и даже дверцы типа «крылья летучей мыши» имелись в наличии.

Ближе к центру появились дома кирпичные. Люднее ста-

ло, хотя машин на улицах маловато было, пробки здесь точно не случаются.

Понад крышами маячила возвышенность, на которой крепко сидело довольно нелепое сооружение то в два, то в три этажа, с башенками по углам и обнесенное высоким забором.

– Резиденция «царька» тутошнего, – подал голос сосед.

– Это который Грабарь? – проявил я осведомленность.

– Ну!

– Тебя как звать хоть, нелояльный ты наш?

– Чего? А-а... Лысым меня кличут.

– А похож! – ухмыльнулся я.

Лысый закудахтал от смеха, а Полторашка, прислушивавшийся к нашему разговору, спросил:

– А куда нас, не в курсе?

– На рудник нас или, там, в шахту, добывать чего-то там...

– Херово... – протянул бомж.

– Фигня! – отмахнулся Эдик. – Пашут в наших местах удаленных, конечно, прилично, но и кормят хорошо.

– А, ну хоть так, – взбодрился Полторашка.

А я уже не слушал, отключился – информации было с избытком, новые факты просто не удерживались в голове, выплескивались.

Помаленьку надо, потихоньку...

Быстро миновав окраину, грузовик выкатился на берег широкой реки, форсировать которую следовало по напла-

ному понтонному мосту.

– Геррос,² – со знанием дела назвал Лысый водную артерию.

Дождавшись, пока с противоположного, северного берега выедет на нашу сторону порядком битая «Газель», «Урал» въехал на переправу сам и не спеша добрался до тверди земной.

Кстати, вода в реке была чистейшая, до самого дна просматривалась, до песка и камней с бахромой из водорослей. И в этой воде, лениво помахивая длинными гибкими хвостами, висели огромные рыбины, повернув заостренные морды против течения. Иногда они распахивали зубастые пасти и схлопывали их, глотая то, что приносила река. Или это были не рыбы?

На другом берегу стояла небольшая деревушка, гордо названная Новым Харьковом. Она меня поразила – не названием, а архитектурой. Совершенно необычное, по-настоящему внеземное зодчество – дома располагались уступами над рекой, и какие дома! Крутые и пологие купола с треугольными входами, с круглыми и овальными окнами, аркады и круглые башни с завальцованными макушками.

– Вот это ничего себе! – поразился я.

– Красиво, правда? – поддержал Эдик. – Это база репти-

² Геррос или Герр – так древние эллины называли реку, вытекавшую из Днепра. По сути, это более раннее название Днепра, протекавшего в I–II тысячелетии до н. э. восточнее по сравнению с привычным для нас местоположением этой реки. В античное время Днепр изменил свое русло, «отойдя» к западу.

лоидов, мы ее заселили в позапрошлом году, когда проложили мост.

– Кого-кого? – сделал я «квадратные глаза». – Рептилоидов?

– Да! – небрежно подтвердил «студент». – А, ты ж не в курсе... Местные сталкеры уже пять или шесть баз пришельцев отыскивали в радиусе ста километров от Нового Киева. Именно пришельцев! Они тут робинзонили, пока не вырождались и не вымирали. Хотя, думаю, с одной базы чужие спаслись-таки...

– Минутку, – нахмурился я. – Пусть я и безграмотный землянин, но с чего ты взял, что робинзоны здешние – пришельцы из космоса? И что это вообще пришельцы?

– О-о! – с удовольствием протянул Лахин. – Тут долгая история...

– «До пятницы я совершенно свободен», – усмехнулся я, цитируя то ли Пятачка, то ли Винни-Пуха.

– Ну, ладно, изложу тебе свои теоретические воззрения, – Эдик солидно откашлялся. – Вернее, гипотетические. Ты здешнее солнце видел?

– Ну. Белое такое, маленькое...

– Очень верно подмечено! – восхитился Лахин. – Это белый карлик. Знаешь, откуда они берутся, белые карлики? Могу тебе все подробно растолковать.

– Лучше популярно.

– Ладно, – покладисто согласился Эдик и заговорил лек-

торским тоном. – Наше земное Солнце – желтый карлик. Но оно не вечно – через миллиарды лет Солнце выгорит и вспыхнет, как Новая. Нова Солис. Светило превратится в красного гиганта, распухнет, поглощая Меркурий и даже Венеру, а потом сбросит внешние оболочки и сожмется до размеров Земли, превратится в белого карлика. Вот так же и здесь было. Но! Представь себе, что Солнце разнесло-таки в красного гиганта. Про Венеру с Меркурием я уже сказал, а Земля? Фотосфера гигантского Солнца будет палить совсем рядом – океаны испарятся, леса сгорят, но и это еще не все. Когда на месте Солнца засияет белый карлик, опаленная Земля вымерзнет – уж очень далеко она окажется от звезды, ей не хватит тепла. Понимаешь? Так вот, Манга тоже когда-то, пару миллионов лет тому назад, обращалась вокруг обычного желтого карлика.

Вопрос: как же она тогда не замерзла? А просто – поменяла орбиту, приблизилась к звезде, когда та из гиганта обратилась в карлика! Но передвинуть планету могут только разумные существа, достигшие высот, и все такое. Верно? Это единственное объяснение!

– Короче, Склифосовский! – выкрикнул Полторашка.

Эдик рассеяно глянул на него и продолжил с тем же увлечением:

– Допустим, что мангиане выстроили на полюсах мощнейшие... ну, скажем, гравитаторы, и стали менять орбиту. Сначала они увели Мангу подальше от красного гиганта, чтобы

не сгореть, а потом приблизили ее к белому карлику, чтобы не замерзнуть. Доказательства? Они расположены через каждые пятьсот-семьсот километров, меридианально. Однажды я с геологами вылетал на самолете в океан, на восток, до Меридианных островов, а потом на запад, за тысячу километров от берега. Меридианные острова – это подводный хребет, который тянется от экватора на север. И вдоль всего побережья тоже идет горный хребет, строго с юга на север. Семьсот с лишним километров на запад – опять хребет! И еще один за ним, в шестистах семидесяти км, по-моему. Одинокие горы. Понимаешь? Природа не могла заняться подобным горообразованием, это все мангиане!

– Но зачем? – пожал я плечами. – За каким лешим им городить хребты?

– Думаю, – важно сказал Лахин, – это побочный эффект. Мангиане не громоздили гор, они словно армировали планетарную кору колоссальными стяжками толщиной в сотни метров из материала, фантастически плотного и прочного.

– Как в нейтронных звездах? – решил я блеснуть эрудицией.

– Нет, нет! – замотал Эдик головой. – Нейтронное вещество слишком сильно сжато, один его кубический сантиметр будет весить миллионы тонн. Нет, здесь плотность на порядки ниже...

– Я с каким-то сталкером в одной палате лежал, – перебил его Лысый, – так он рассказывал, что далеко на севере, на

втором хребте, если от берегового Приморского считать...

– На Кругосветном, – подсказал Лахин.

– Да-да, – нетерпеливо бросил лохматый. – Так там в древности типа вулкан извергался. Потом он потух и как бы провалился внутрь себя. Образовалась... эта... как ее...

– Кальдера, – подкинул наводку Эдик.

– Во-во, она самая. Короче, вулкан извергался, пока вся лава не вытекла, хребет как бы просел, и сейчас в той кальдере большое озеро. А над ним, от берега до берега, тянется та самая арматурина – круглая, как труба, метров двести в поперечнике, темно-синяя, такая, почти черная, и блестит. Сталкер этот к ней на плоту подплывал, а эта громадина – вот так, полтора метра над водой. Хотел, говорит, отбить молотком кусочек – бесполезно, отскакивает. Да что молоток – по этой трубе даже стеклорез скользит, и ни царапинки!

– Я тоже видел эту... э-э... арматурина, – подхватил Эдик, – только поближе, на Приморском хребте. Там склон осел, труба эта и оголилась. Именно труба – «арматурина» внутри пустотелая и разделена на горизонты. Это что-то среднее между глобальным туннелем и бункером – именно там жили мангиане, когда их солнце разбухло в гиганта. Правда, выходов и входов в туннели-бункера немного, но они есть. Стоп, что-то я отвлекся... Короче, сеть этих ТБ, по всей видимости, сводит тектонику до нуля. По крайней мере, за десять лет наблюдений не зарегистрировано ни одно землетрясение. Вулканы извергаются, да, а вот землю не

трясет. ТБ собирают энергию и направляют ее к полюсам – уверен в этом! К тому же только «пучок» таких «арматурин» способен выдержать массу и колоссальную тягу планетарных гравитаторов. Или антигравов... Конечно, доказательства у меня пока только косвенные, но они есть. Например, у Манги вообще нет наклона оси вращения – крутится как волчок, строго перпендикулярно к плоскости эклиптики. А раз в две недели что-то на тех полюсах случается.

По крайней мере, полярные сияния дотягиваются аж до тутошних субтропиков. Я и подумал: если все так, как мне представляется, то, возможно, каждые две недели эти гравитаторы включаются, из-за чего что-то происходит в окружающем пространстве. Ну, не знаю... Может, невидимые джеты бьют с обоих полюсов на световые годы, да еще в каком-нибудь гиперпространстве. Или в нуль-пространстве... Тут, как ни назови, ясно одно – настоящие звездолеты не станут перемещаться в обычном континууме, это слишком долго...

– Кажется, я понял, – поскреб я за ухом. – Чужой звездолет попадает в этот самый джет, и его... ну, не знаю... выбрасывает, что ли, в нормальное пространство. И ему ничего не остается, как дрейфовать к Манге и садиться. А экипажу – робинзонить.

– Именно! – просиял Эдик. – Так что это не просто планета, а настоящий заповедник для ксенологов! Но пока одни лишь сталкеры роются на базах...

– Ты что-то там говорил о рептилоидах... – напомнил я скучающим тоном, чтобы не слишком выказывать свой интерес.

– А, ну да. Нашли мы парочку мумий в скафандрах. Почему рептилоиды? Да похожи просто. Такие здоровенные саламандры, с человека величиной, а цветом... Ну, как медная патина. Зеленая такая.

– Вот с кем бы выпить! – ухмыльнулся Полторашка. – Небось, эти, зеленые, и свое вино делали.

– Кто о чем! – фыркнул я.

– А еще я с самолета видел большой город под прозрачным куполом, – вздохнул Лахин. – Далеко только, у подножия Кругосветного хребта – это второй от берега. Как туда пройти? Надо перевал искать и пробиваться лесом за сотни километров... А-а! Кому это надо? Вон, нефть нашли – и хватит с них...

Как быстро Эдик загорелся, так и угас, а я не стал его тормошить. Тем более что время разговоров подошло к концу – асфальт под колесами уступил гравию, а после и вовсе потянулась обычная грунтовка. С обеих сторон поднялся густой лес, высоченные деревья зажимали путь, частенько перекидывая через дорогу толстые лохматые лианы, а то и попросту сплетаясь ветвями, образуя тенистый полог.

Дорогу, похоже, грейдеровали редко – трясло немилосердно, кидало и подбрасывало. Часов пять тряски вымотали всех, и вдруг зеленые стены леса разошлись, выпуская ко-

лонну на небольшую равнину, поросшую жесткой травой и кустарником, смахивавшим на живую спираль Бруно.

Машины направлялись к горам, что высились совсем рядом, – было видно, как дорога петляет по склону до седловины меж двух огромных гор. Но вовсе не вершины завладели моим вниманием, а исполинская «труба».

Она висела прямо поперек седловины, выходя из одного склона и уходя в другой. Это был тот самый ТБ, как это сооружение называл Эдик, по извечной привычке ученых, стремящихся дать всему мудреные названия.

Но я бы не стал именовать это образование, сравнимое с горой, трубой, туннелем-бункером или еще как-то, примеривая скромные потуги человечества к рельефу планетарной коры.

Имея в поперечнике метров двести, если не все триста, ТБ висел над дорогой, тускло отсвечивая темно-лиловым, бликуя на солнце – и придавая всему пейзажу реальную величественность, торжественность даже.

Следовало сделать над собою немалое усилие, чтобы представить искусственное происхождение «трубы».

Дымящаяся домна для плавки чугуна впечатляет, но только не на фоне извержения вулкана. Так и здесь.

Я почтительно взирал на это чудо, сотворенное иным разумом, и только головой качал.

– Ну, ни хрена себе... – выговорил Лысый. – Пипе-ец...

А караван как ехал, так и продолжал свое движение, кру-

тясь по серпантину, то и дело попадая в тень необъятного ТБ.

– Это же надо, а? – с чувством сказал Лахин.

Даже Полторашку, вроде, проняло. По крайней мере, в выражении его лица ясно читался вопрос: «Куда ж это я попал?»

Выехав на перевал, машины оказались под самим ТБ и остановились. Прозвучала команда: «На выход!»

Я с облегчением поднялся и вылез из душного кунга. Размялся, потянулся, неотрывно глядя на «трубу», круглившуюся над головой. Лишь затем я заметил «патрубок» – величиной с пятиэтажку, он отходил от ТБ, смахивая то ли на чудовищное орудие, то ли на упавшую башню, торчавшую строго горизонтально, вопреки силе тяготения. Аппендикс.

К «патрубку» вела насыпь, по которой медленно спускался самосвал «КамАЗ», груженный темно-синей породой. ТБ они, что ли, долбят?

Сильный тычок сбил меня с мысли.

– Топай давай! – прикрикнул гвардеец с автоматом, указывая верный путь.

И я потопал вверх по насыпи, морщась от противного запаха сгоревшего соляра.

Глава 4

Каторга

Однажды я прятался в бетонной трубе под шоссе, и ее «круглость» была вполне ощутима. Но вогнутые стены «патрубка» отстояли друг от друга метров на двадцать, и дорога посередине была ровной, присыпанной тяжелой синей пылью – следы шин и ботинок четко отпечатывались на ней.

Чем дальше я удалялся от широченного «входа», тем заметней делался сквозняк, а вот свет пригасал. Зато шуму прибавилось – рокот, буханье, рев моторов, человеческий гомон...

И вот я попал, наконец, в нутро ТБ. Здесь поднимались две решетчатые мачты с прожекторами, но полностью рассеять мрак они не могли – лучи не доставали до сводов.

Гирлянды мощных ламп свешивались из громадных прореж в перекрытиях, перекидывались между обваленными стенами.

Лахин сказал правду – внутри ТБ делился на несколько горизонтов, я насчитал восемь, но они были почти полностью обрушены, образуя гигантскую пустоту в районе «патрубка». Выработку.

– Налево! Налево! – заорали гвардейцы, помахивая фонариками.

И толпа бомжей, подчиняясь конвоирам, повернула к пандусу, широкому, как проспект. Пандус вывел нас на третий или четвертый уровень, если считать снизу. С обеих сторон тянулись аркады, уходящие в перспективу. Глухие шумы, наплывавшие на меня, стали слышны четче, выделяясь из общего хора.

Посветлело – и мы вышли в громадный зал, величиной с Красную площадь. Повсюду долбили ручные перфораторы, пробуривая в стенах и перекрытиях отверстия-шпурь. Стены многометровой толщины поддавались неохотно, а клубы пыли неожиданно быстро опадали. Тяжел здешний прах.

Я обратил внимание, что все работали в касках, только одни бурильщики были в изгвазданной спецодежде, а другие зачем-то обрядились в меховые куртки и штаны.

Взрывники на иных участках уже закладывали «колбаски» взрывчатки, а несколько погрузочно-доставочных машин нагребали в ковши отбитую породу и с грохотом наполняли ею кузова самосвалов. Вот один из них заворчал, вывернул и покатил прочь – на обломках в кузове плясали синие блики.

В сторонке был выстроен целый поселок – домики из металлических контейнеров, дощатые сараи и бараки, навесы, под которыми работали дизель-генераторы, цистерны с топливом, баки с водой, ангары, склады.

– Стой!

Навстречу «нашим» гвардейцам вышли другие – в рабо-

чих спецовках, в касках, но с теми же «Калашниковыми».

– Новая группа?

– Так точно, господин лейтенант!

– В комендатуру. Мохов!

– Сержант Мохов по вашему приказанию...

– Отставить! Сбегай за Кузьмичом, пусть принимает исполнение.

– Есть!

Здание комендатуры было сколочено из досок и брусьев лет десять тому назад, если судить по объему выбранных «стройматериалов», но по-прежнему отливало свежей желтизной – здесь никогда не шли дожди и не палило солнце.

– Смотри, – негромко сказал Эдик, кивая на исполинскую колоннаду, поддерживавшую верхний горизонт.

Опорные столбы были как заводские трубы в обхвате, но Лахина заинтересовали явно не размеры – на поверхности колонн выделялись пушистые наросты, покрывая многие десятки квадратных метров. Ворсинки наростов еле заметно шевелились на фоне слабого свечения.

Сияние пробивалось изнутри наростов, высвечивая какие-то перепонки и мембраны.

– Это моховища, – шепотом сказал Лахин, – они тут везде. Раньше светящийся мох покрывал все стены и потолки, а теперь...

Он поддел усохшую пластину моховища, и она отломилась, треснув, как вафля.

– Это тоже работа мангиан – моховища давали свет, очищали воздух, выделяли кислород. Но миллионы лет... За такой срок что угодно выродится!

– Новоприбывшим собраться у комендатуры! – залязгал голос в рупоре.

– Пошли, – буркнул я.

Нас встретило человек десять, оторванных от буро-взрывных работ. Отдельно кучковались работяги в меховых одеждах.

Я заморгал в уверенности, что меня подводит зрение, но нет, глаза не вращались – то были не люди. Существа с нас ростом, все покрытые бурой шерстью, словно Чубакка из «Звездных войн», только не морды их отличали, а вполне себе гуманоидные физиономии.

Не красавцы, ясное дело, но и отвращения, отторжения они не вызывали. Прикиды у гуманоидов были просты, как набедренная повязка – все носили кожаные шорты со множеством карманчиков и по паре широких поясов.

– Эдик! – позвал я шепотом. – Это кто? Тоже пришельцы?

– Нет, аборигены! – пришатнулся ко мне Лахин. – Цверги, так мы их называем. Уровень у них первобытный – духовые ружья, огниво, горшки...

– Я не понял... Неужто эволюция так быстро закрутилась, что уже и до разумных существ дошла?

– Да ну, куда там... Цверги – гориллоиды, отдаленные потомки мангиан. А те так и не выбрались из своих туннелей...

Что-то у них с самого начала пошло не так, не «по сценарию».

Я целый месяц работал с одним палеонтологом, дядей Мишей. Вот его как раз похитили, привезли сюда. Дядя Миша сначала в позу стал, обижался, ни с кем даже разговаривать не хотел, но... Самому же интересно! Тут один разлом есть, и по нему вся история видна – сначала мощный культурный слой, потом толстый пласт сажи, потом тонкая прослойка наносов – и снова эволюция в рост пошла. В общем, получается, что мангиане чуток запоздали – планета не успевала вовремя ускориться, чтобы отойти на орбиту подальше. Местное солнце выросло в красного гиганта и спалило все леса и степи, уничтожила жизнь на суше. Миллиарды тонн сажи окутали Мангу, ослабляя напор светила, а потом, когда закипели верхние слои океана, всю планету закрыли тучи.

– А потом?

– А потом они ждали несколько веков, когда же их звезда схлопнется в карлика. Представляешь себе жизнь десятков поколений в убежищах? Мангиане просто не могли не деградировать! Дядя Миша вообще был уверен, что в обратный путь, поближе к солнцу, уже к белому, Мангу направили автоматы. Очень даже может быть...

– А жизнь? Что она, сама, что ли, восстановилась?

– Сама бы она просто не успела. Природе на это потребовались бы сотни миллионов лет, чтобы обратно из моря на сушу... из той ухи, в которую превратился мировой океан,

на просторы глобальной гари... Нет, тут и растения высаживались, скорее всего, и какие-то животные выращивались, но, опять-таки, кто всем этим занимался? Мангиане? Или их долговечная техника, пережившая одичавших хозяев?

– Разговорчики в строю! – прикрикнул на нас комендант, толстый важный дядька в потрепанной форме.

Расписавшись на куче всяких бумаг, он сунул весь ворох своему помощнику и сделал знак седому человеку в каске:

– Принимай, Кузьмич!

Тот кивнул и вразвалочку приблизился. В чересполосице света и теней, как во всяком подземелье, трудно было оценить возраст Кузьмича. Но лет шестьдесят ему стукнуло, это точно. Его щеки покрывала неопрятная седая щетина, зато усы были подбриты прямо-таки щегольски. Близко посаженные синие глаза, словно искавшие защиты у хрящеватого с горбинкой носа, смотрели прямо и с прохладцей. Подбородок Кузьмича казался вялым, но лишь до той поры, когда сжимались губы, и челюсть выдавалась вперед в извечном порыве упрямства.

– Значится, так, – начал он свою речь. – Фамилия у меня смешная – Бунша, но все зовут по отчеству, Кузьмичем. Отрабатывать будете здесь. Как это строили, – Бунша похлопал ладонью по капитальной стене, – никто даже понятия не имеет, но в этой синей гадости полно редких земель – всякого, там, иттрия, эрбия и прочего иридия. Наша задача – наковырять обломков побольше. Их, значится, отвезут на фаб-

рику, разотрут на мельницах – и отправят на Землю, вроде как, концентрат. Вот и все.

– И долго нам ковырять? – послышался голос из толпы.

– Год, – усмехнулся Кузьмич.

В толпе зароптали.

– Или пару лет, – хладнокровно добавил Бунша. – Это уж, как себя покажете. Будете нормально вкалывать здесь, безо всяких закидонов и вытребенок, тогда вас могут послать на дальний участок. Если повезет, там можно найти эти... как их... артефакты. Сдаете такую находку в комендатуру, и вам заменяют отработку – отправитесь на ферму, на свежий воздух. Вот и все. Только не думайте, что на курорт попали! Зря, что ли, оргнаборы идут? Вон, у меня в бригаде был полный комплект. И что? Двоих упыри задрали, еще одна парочка решила деру дать, и гвардия их задержала. Ну, как задержала... Пустили длинную очередь, и всего делов. А еще одного мне всех жальче было. Главное, настоящий проходчик был!

– И что с ним? – напряженным голосом спросил Лахин.

Кузьмич зловеще усмехнулся.

– Каменюкой по башке – и ага! Летальный исход. Так что каски не снимать! И популярно объясняю местные правила.

Выполняешь норму до полудня – обедаешь. Справляешься с делом до вечера – ужинаешь, а завтра тебе и завтрак подадут. Не выполняешь, не справляешься? Тогда и жрать не проси – не получишь. Кто не работает, тот не ест. Вот и все. Вопросы есть? Вопросов нет.

Подозвав помощников, Бунша быстро распределил бомжей по бригадам. Он никого не выбирал – отсчитает десяток душ слева направо и подзывает одного из помощников – забирай, мол, твои.

Последний десяток с правого краю, и меня в том числе, Кузьмич взял в свою бригаду. Вместе со мной оказались Ляхин и Полторашка.

– В столовую, – сказал Бунша, – обеденный перерыв. За мной.

Тут все воспряли, да и я повеселел – последний-то раз на Земле ел.

Столовая находилась неподалеку – длинное, приземистое сооружение, от которого накатывало весьма аппетитными запахами. Наша бригада оказалась первой и тут же заняла длинный стол, который принято называть монастырским. Я присел с краю – терпеть не могу, когда кто-то сидит по обе стороны от меня.

Что сказать... На первое подали борщ. Наваристый, с куском мяса – ни единой жилочки, сплошная мякоть! На второе было пюре с котлетой, а в большой кружке был компот.

Такую каторгу и потерпеть можно! Другое дело – зачем терпеть? На что мне это все вообще сдалось? Нет, бродить по ТБ, разыскивая артефакты, – это мне было крайне любопытно, но выполнять и перевыполнять план по добыче... Да идут они все... туда!

Долго ковыряться в зубах и отдуваться Кузьмич не позво-

лил.

Нажрались? Молодцы. Тогда вперед – вы ж еще не наработались!

– Вон ваши спецовки и каски. Давайте, по-быстрому!

Бунша привел нас в «забой» – к толстенной стене, изгрызенной так, что возвышалась всего на два человеческих роста. Вместе с людьми работали два цверга, выглядевшие забавно в касках.

– Такка, – сказал им Кузьмич, делая ударение на последний слог, – сака-так хтэ катта-токо шух-га таккат-кат.

– Катта-кат, Кузами, – покивали цверги, надувая щеки совсем по-земному. Гордились оказанным доверием.

Прикрепив новичков к опытным «отработчикам», Бунша подошел ко мне.

– Звать как?

– Александр.

– Ты, случаем, не ксенофоб, Санек?

– В смысле?

– В смысле, что твоим напарником будет Тука. Тука, катте!

Здоровенный цверг отставил перфоратор и вразвалочку приблизился, куда больше напоминая не гориллу вовсе, а хулого медведя.

– Тука кат, Кузами, – прогудел он, стукнув себя в гулкую грудину кулаком.

– Тука сах катта-токко ко Аексанта. Took?

– Took, Кузами.

Тука развернулся в мою сторону, с любопытством меня разглядывая, и воздел правую лапищу – наверное, в транс-космическом жесте приветствия. Я не придумал ничего лучшего, чем протянуть цвергу свою руку. Напарник все же.

Тука даже пошатнулся от потрясения (если я верно распознал испытанные иномирцем эмоции!), оглянулся на Кузьмича и как-то робко пожал мне руку. У него и пятерня была лохматой!

– Александр, – представился я.

Цверг замешкался, но понял и тоже отрекомендовался:

– Тука.

– Очень приятно, Тука.

– Сэх тоокко-тэ, Тука, – перевел, ухмыляясь, Бунша.

Вот так и состоялся первый контакт с представителем внеземной цивилизации. А дальше пошла работа. Тяжелая или очень тяжелая.

Поболтать по душам с Тукой не получалось – цверг, щеря острые зубы, налегал на перфоратор, набуривая дырки в стене, а я загребал лопатой обломки и перекидывал их в вагонетку.

Маленьких электровозиков, которые бегают по штольням земных рудников, тут не было – отработчики сами толкали вагонетку до приемного бункера. Не графья, чай.

Часа через два Кузьмич скомандовал отбой.

– Значится, так, – сказал он внушительно. – Самосвалов

до вечера не будет, но норму на сегодня выдать нужно. Поэтому часика три отдохнем и выйдем на доделку...

– А ужин как? – с тревогой спросил Полторашка.

– Не бойсь, – усмехнулся Бунша, – накормим.

И мы всей гурьбой потопали в поселок. Как оказалось, бригада Кузьмича занимала половину барака номер пять, куда даже крылечко вело, что выглядело немного странно – неба-то не было над нами. Только свод исполинской «трубы» чуть отблескивал в вышине – Останкинская башня сюда точно не влезет, а вот «Эмпайр стейт билдинг» впишется вполне.

Перед входом в барак тянулась стойка с умывальниками. Сняв каску и повесив ее на гвоздик, я умылся и вытерся рукавом – полотенец нам не выдавали.

У крыльца уже кучковались человек пять половозрелых особей мужского рода в возрасте от двадцати до пятидесяти. Двое держались наособицу – пришибленные какие-то затюканные, зачморенные, зато трое «колотили понты» изо всех сил.

Когда мы крушили стену, я что-то не замечал эту троицу в рядах передовиков производства. Судя по татушкам, все трое отсидели небольшие сроки, но держали себя с напыщенностью авторитетов – в одних штанах, синие от наколок, они играли накачанными мышцами, смолили сигаретки и цедили матерщину.

Равнодушно скользнув по троице глазами, я поднялся на

крыльцо и открыл дверь – внутри было прохладней. Упарился я в своем термобелье...

– Куда прешь? – заорал один из троицы, небритый, коротко стриженный тип с очень тонкими губами – словно их с рожденья не было, а доктор прорезал рот с помощью скальпеля.

Надо полагать, этот губастик метил в жоаки, чтобы «держать зону». Обойдется.

Я даже не обернулся на ор – вытер ноги и закрыл за собой дверь. Внутри «блок» оказался даже просторней, чем я ожидал, – тут вместились десять двухъярусных кроватей, куча каких-то ящичков, а у стены тянулся ряд шкафчиков.

Ну, я не особо-то осматривался, памятуя, что безгубый наверняка рванет сейчас дверь, срочно требуя сатисфакции. Будет тебе сатисфакция, дождешься ты у меня...

Дверь, сколоченная из толстых досок, распахнулась, и внутрь, привечая меня и моих родичей самой гнусной лексикой, влез этот... «вор в законе». Глаза как у бешеного таракана.

– Ты че, падла? – прохрипел он. – Я тут «гражданин начальник»!

– Был, – холодно ответил я и провел тот самый удар ногой, который Кириллыч называл «йоко-гири». Йоко-гири так йоко-гири, спорить не буду. Главное, что очень способствует выбиванию лишнего дерьма из организма.

Моя пятка ударила «гражданина начальника» в грудь,

прямо в то место, где была бездарно вытатуирована нагая женщина, привязанная к столбу на костре. Безгубый с размаху ударился спиной о дверь и выпал наружу, скатываясь по ступенькам, а я осмотрелся и занял нижнюю койку справа. Здесь находилось окно, заделанное толстым стеклом и решеткой из арматурин, как в автозаке, а неподалеку стоял бидон с холодной водой. Набрав полную кружку, я попробовал, и мне понравилось – вкусная водичка.

За окном все успокаивалось.

«Блатные» бушевали сдержанно, косясь на гвардейцев, реявших в отдалении, зачморенные жались к крыльцу, а те отработчики, которых я записал в нормальные, не спеша умывались.

Кузьмич, заметив меня в окне, ухмыльнулся.

Я почему-то сразу вспомнил Кириллыча.

И снова никаких эмоций – ни злости, ни жалости, ничего. Наоборот, я даже испытал стыдное облегчение – «фактор непреодолимой силы» снял с меня ответственность за девушку и старикана...

Вторым после меня зашел Лахин.

– Привет! – жизнерадостно сказал он. – Видели мы, как отсюда одна... м-м... птица вылетела. Низко так парила! К чему бы это?

– К дождю, – улыбнулся я.

– А можно мне наверх? – показал он на второй ярус.

– Располагайся.

Тут повалила вся бригада, сразу стало шумно и тесно. Не выношу казарм и общаг, вот только никто меня не спрашивает о предпочтениях.

Кузьмич первым залег, устроился, кряхтя, на скрипучей койке и сказал, подкладывая руки под голову:

– Давайте, мужики, сразу договоримся – работать как полагается. Тебя, Димон, это касается в первую очередь.

– А чего сразу я? – набычился тот самый Губошлеп.

– А того! – голос Бунши приобрел жесткость. – Я тут никого не прошу вкалывать, и даже не требую! Мы просто идем и работаем, как надо. А лодырей я буду отправлять к «ничемушникам»! Их в пустой ангар поселили – будут дворы мести, воду качать и говно выгребать из мест общего пользования! Это куда легче, чем припахивать на добычном участке. Хотите такой жизни? Ради бога, шуруйте!

Повисло молчание, а я ждал продолжения – не похож был Кузьмич на ударника комтруда, для которого «выполнение плана – закон, а перевыполнение – честь».

– Вы не подумайте чего, – проворчал бригадир, ерзя, – я не для Доски почета стараюсь. Хочу на дальние участки попасть, а туда можно только всей бригадой. Там, конечно, опасно и сложно, зато шарисься насчет артефактов. Там же город начинается! Найдем чего стоящего – переведемся к фермерам, еще и премию получим.

– Я с тобой, – спокойно сказал Лысый, разлегшийся на-против моей койки.

– И я! – крикнул Эдик сверху.

– Поддерживаю, – поднял я руку.

– Да я че? – проямлил Димон, тушуясь. – Я ниче...

Его толстый и румяный «кент», похожий на розового кабана, а прозванный Кашеєм, ухмыльнулся:

– Базара нет!

Глава 5

Совки

Отдохнули мы неплохо, кое-кто даже заснул. Меня дремать не тянуло – мыслей было столько, что в голове не уместались. Первый день на другой планете – засни попробуй.

Удивительно, но сознание раз за разом подкидывало сомнений в реальности происходящего, все тщилося, бедное, представить реал, данный мне в ощущениях, разыгршем или галлюцинацией, сном под гипнозом и прочей чепухой.

Однако холодный интеллект спокойно отшелушивал все эти глупые фантазии, постепенно примиряя меня с действительностью.

Я несколько не обижался на гвардейцев, учинивших «органбор», – мне нравилось мое новое место жительства. А как подумаешь, что вокруг – целый мир, необъятная планета, так прямо дух захватывает. Ничего себе, думаешь, ну, ты попал!

И никаких рефлексий, я даже как-то внутренне успокоился. Портал, инопланетяне – вся эта дурацкая фантастика, от которой меня на Земле воротило, стала чем-то обыденным, как Южный рынок в Электростали или бабы-Анина дача.

Человек привыкает ко всему. Мы, как те тараканы, уживемся хоть с динозаврами, хоть с пришельцами из космоса. Первые недели еще будем ходить с глазами по пять копеек,

а после всякие кудеса и диковины неразлично сольются с серым фоном будней.

Выработаем в себе новые привычки, анекдоты станем травить про негуманоидов или Т-рекса. Так и здесь.

Под конец долгого перерыва меня самого потянуло закрыть глаза, и все окружающее поплыло, сменяясь фантазмами быстрого сна.

– Подъем!

Ну, разумеется... Ничего, вот вернемся со смены, и заважусь я спать! Наверное, здесь хорошо спится даже днем – за окнами вечная чернота. Лишь изредка скользнет свет фары или фонарика, и снова темень.

– Встаем, встаем! Машина уже пришла!

Вторым после меня встал Полторашка. Потянулся и пошагал мимо умывальников, где я бодрил организм холодной водой – утруждать себя мытьем он полагал странной причудой.

Раньше я почему-то думал, что прозвище свое Колян получил за нежную любовь к пиву в бутылках по полтора литра. Оказалось, все куда сложнее – это фамилия у него такая была, Полторак. Вот юмористы и связали два факта.

Ополоснувшись, я двинул со всеми на участок. И вскоре оценил преимущества нахождения именно в бригаде Кузьмича. Видать, Бунша был на хорошем счету.

По крайней мере, мы сами шли на работу, а то вон по дороге ковыляли наши соседи – колонной по одному, а с обеих

сторон шагали конвоиры. Шаг влево, шаг вправо...

По-моему, эту картинку уловили многие, укрепляясь в верности своего выбора. Лучше уж с Кузьмичом ишачить, чем вот так, как взыправдашние каторжане!

– А ты чего без каски? – обернулся ко мне Бунша.

– Так мы ж еще не пришли.

– Надень, надень...

Я спорить не стал, натянул. Техника безопасности – выше всего. А кстати...

– Кузьмич, – начал я, – можно вопрос?

– Хоть два! – фыркнул Бунша.

– Я заметил, что дверь в бараке запирается на засов только изнутри, то есть нас никто особо не сторожит. А зачем же тогда решетки на окнах? От этих... упырей?

– От них, гадов, – кивнул Кузьмич и приподнял полу своей куртки. Я увидел кобуру у него на поясе, из которой торчала рукоятка «Стечкина». – Видишь? И еще у Туки с Ка-тоо по духовому ружью – они стреляют отравленными иглами. Ну, здесь-то еще ладно, всех упырей повывели, а вот на дальних участках их хватает. Цверги говорят, что именно в этом... как его... ТБ помещается упыриная матка. Они как рой – матка откладывает яйца, из них выводятся упыри-добытчики, упыри-охотники и упыри-солдаты. Добытчики, те мелкие и не шибко опасные, а вот солдаты... Те еще твари! Маскируются так, что рядом пройдешь и не заметишь. Буквально на голом месте притаиться умудряются! А уж как они

быстры... да и силушкой не обижены. Упырь может на четырех лапах бегать, а может и на двух, как мы, так что не доверяйте силуэту!

– А почему упырь? – поинтересовался Полторашка.

– А он, как вурдалак, любит горло рвать и кровь хлебать.

Понял?

– Ага...

– Кузьмич! – донесся голос издалека.

Все обернулись. К нам ленивой трусцой подбегали трое гвардейцев.

– На вашем участке упыря видели! – доложил старший, мордатый и усатый, вытирая беретом потный лоб. – Комендант велел посторожить.

– Понятно, – кивнул Бунша. – Лишних стволов не бывает!

Переговариваясь, бригада вышла к участку, и мне сразу нашлась работа – загонять вагонетки на эстакаду и грузить самосвал. «КамАЗ» уже стоял под бункером.

И опять загрохотали, засвистели перфораторы, залязгали вагонетки, заширкали лопаты. Думал, не управимся, но тут с соседнего участка пригнали ПДМ,³ и она нам здорово помогла. И десяти минут не прошло, а 20-тонный самосвал был загружен с горкой.

Уморились все, и Кузьмич скомандовал:

– Отдыхаем! Через час загрузим еще один, и все. Саня, Тука, Димон! Разжигаем костры, будем ужинать!

³ Погрузочно-доставочная машина.

Тут уж все оживились.

Я порубил ящик из-под взрывчатки, а Тука запалил костерок, ловко орудуя огнем. Потом Эдик притащил целую стопку сухих, омертвевших моховищ – костер загудел, а в его оранжевых языках проявились красивые зеленые «прожилки».

Четыре костра, затрещав один за другим, кое-как разогнали полутьму, а гвардейцы несли дозор, изредка посвечивая фонарями.

Я подвинул к огню пустой ящик, поинтересовавшись у Бунши, не закусит ли мной какая-нибудь мелкая живность.

Кузьмич помотал головой.

– Нету здесь жучков-паучков, букашек-таракашек, – сказал он, шевеля ладонями над языками костра. – Я имею в виду – под открытым небом. Хотя водится одна интересная бабочка, и название у нее говорящее – вампирелла. Большая такая, с две ладони. Подлетает неслышно, как в твои волосы вцепится, не почувешь, а потом жвалами своими кожу тебе на шею просадит и начнет кровь пить. Видать, какую-то дрянь вкалывает – все без боли. Полстакана может запросто выдуть. А если таких кровососов десятков налетит? Помню, раньше люди в походе мерли от них – заснут у костров и думают, что все в порядке. А утром их не добудишься – скончались от потери крови. Вот и все. Так что поглядывай... Ну, потом, когда выберемся из этого чертовой склепа.

– Понял, – серьезно сказал я, – спасибо.

– Да чего там...

– А в этом чертовом склепе есть еще кто кровожадный, кроме упырей?

– Да черт его знает... – протянул Кузьмич. – Вон, однажды целая бригада пропала – не здесь, на южных участках. Там весь этот ТБ наглухо перегорожен толстой стеной, не пройти, не проехать. И, вроде, некуда людям деваться, а их нет! Потом только заметили какие-то колодцы с липкой такой жижей. Теплая, главное, и пузыри из нее – буль! Может, какая гадость в этом киселе проживает? Вот всех и почикала?

Тут к нам Эдик подсел.

– Разрешите? – шаркнул он сапогом.

– Падай.

– Говорят, ужин скоро, – сообщил Лахин, умащиваясь и поглядывая на Буншу.

– Ужин – это хорошо... – протянул бригадир.

– А ты давно здесь? – поинтересовался я у Кузьмича. – Или это не принято спрашивать?

– Да почему? – пожал тот плечами, и хмыкнул. – Всю жизнь я тут, все шестьдесят годков.

– Да мы на Манге всего десять лет! – удивился Эдик, и тут до него дошло. – Так ты что... из этих, из первопоселенцев?

– Из этих, – буркнул Кузьмич. Чувствовалось, что не хотелось ему поднимать эту тему, но он себя пересилил-таки. – В общем... Вот ты, – обратился бригадир ко мне, – ты же с этим их, с оргнабором?

– Ну, да.

– А когда ангар проезжали, видал ли кого?

– В ангаре? Да стояли там четверо или пятеро, по всему видать, богатенькие.

– Четверо их, вся шобла, – кивнул Кузьмич. – Друзья давнишние, хоть и люди разные. Я как-то фотку одну видел, где они вчетвером. Снимок черно-белый, а они там молодые совсем, все в этих «целинках» – ну, курточки такие были у студентов-стройотрядовцев. А теперь они захапали портал, и двое из них уже попали в этот список... как его... форс... фоб...

– Форбс?

– Во-во, он самый. У одного два миллиарда, у другого – шесть с половиной. Вот и все. Еще двое тоже не бедные, просто бизнесом не занимаются, в науке остались, портал этот изучают, хоть никому на свете ничего про него не расскажут. Никогда и ни за что. А началось все не десять лет назад, а еще после войны, в году... да как бы не в пятьдесят первом. Тогда в Красноярском крайкоме работал один головастый мужик. Хоть и молод был, но успел повоевать, до Берлина дошел, «Красную звезду» заслужил. Данила Архипович, так его звали. Он тогда Норильском занимался и вообще Таймырским национальным округом. Люди ему верили, шли за ним. А на Таймыре... Легенда там ходила одна, про дверь в скале. Нганасаны ее рассказывали, аборигены тамошние. Дескать, жил-был один охотник, и звали его Кэйкумуо. По-

шел он однажды по следу волка, а тут пурга. Укрылся Кэйкумуо в огромной пещере, огонь развел. Видит – ворота в скале, да со знаками всякими непонятными, с узорами – и с отпечатками. И четырехпалая рука выдавлена, и шестипалая, у которой как бы два больших пальца в разные стороны торчат, и обычная пятипалая. Вложил Кэйкумуо свою пятерню в тот след, а ворота и открылись. Лес за ним, свет и тепло. Шагнул туда охотник, а с той стороны такие же ворота стоят, и те же ладони выдавлены. Приложил он руку – и вернулся обратно. Но ненадолго – ушел Кэйкумуо в теплую страну и только через год вернулся. И жену свою подарками одарил, и детей, и родителей. А потом опять ушел и не вернулся больше. Вот и все... Загорелся Данила Архипович, решил проверить, а не взаправду ли все о «фала-футу» наговорено, о тех самых «каменных воротах».⁴ И убедился – Кэйкумуо не врал! И что делать? Я потом разговаривал с Архипычем. Он уже старый был, но в памяти все держал. Рассказывал, что собирался обо всем доложить самому Сталину, а в 53-м вождя инсульт хватил. Сволочь же эта плешивая, морда хрущевская, целые сутки никого к Иосифу Виссарионовичу не подпускала. Так и не помогли врачи, а Власика, надежного охранника Сталина, еще раньше удалили. Вот и все...

– Вы – сталинист? – ляпнул Эдик.

⁴ Обряд прохождения через «фала-футу» (каменные ворота) сохранился у нгасанов. Для этого в феврале, когда появлялось солнце, из каменных плит строилось нечто вроде туннеля.

– Сатанист, – буркнул Бунша недовольно. – Напридумывали словечек разных, лишь бы память о человеке испоганить!

– Да я ничего против Сталина не имею, – стушевался Лашин, – просто репрессии эти...

– Милый! – ласково протянул Кузьмич. – Да Сталину памятник надо ставить за то, что не позволил тем самым репрессиям раскрутиться, что осаживал самых притких! Ладно, не об этих помоях политических речь, пусть их либералы сами лакают, у них языки длинные... В общем, Данила Архипыч затеял дело опасное, но важное – стал переселять на Мангу людей.

Геологов, нефтяников, горняков, врачей с учителями, инженеров, строителей, да всех! Кстати, саму планету называли тогда Моунга. Так по-нганасански... малость с энецким акцентом именовали Землю. Это вы потом все перекрутили, напридумывали, будто целый мир в честь плода манго называли! Ну да, на закате краски такие, что похоже на манговый сок... Блин, опять я отвлекся! В общем, стали мы тут жить-поживать да добра наживать. Расплачивались за все советскими деньгами, и милиция у нас была, и два совхоза, а Данила Архипыч все крутился, все сновал отсюда на Землю и обратно. То учебники завезет, то сапоги, то буровые коронки... А в Москву ехать да все рассказать не решался. Говорил, что вокруг Брежнева слишком много троцкистов собралось, вроде того же Хрущева, а Горбачев и вовсе предателем

оказался, врагом народа! А потом, когда Норильский комбинат отдали олигарху, фала-футу вообще закрыли...

Кузьмич хмыкнул и поглядел на Эдика.

– Ты, когда меня первопоселенцем назвал, запнулся слегка, – проговорил он, усмехаясь. – Небось, другое что сказать хотел, а? Совком назвать?

– Да я... – даже в свете костра было заметно, как побурел Лахин.

– Да ладно! – отмахнулся Бунша. – Совок так совок. Правильно нас так прозвали – советские мы. Были ими и останемся. Знаешь, кто такие совки? Это те, кто «Уралмаш» строил и целину поднимал, кто в войну на передовой фрицев бил, кто в космос летал и кто первую внеземную базу создавал! Здесь, на Манге! А теперь меня за то, что совок, сюда загнали, на каторжные работы! Вот такая перестройка, мать ее ети... – Кузьмич поиграл желваками, и вздохнул. – Сам, конечно, виноват, не надо было сразу за оружие хвататься, с умом следовало действовать... Ладно, замнем для ясности... Кхе-кхм... Данила Архипович в 2008-м помер, завещав разблокировать «фала-футу», которые вы сейчас порталом зовете, и связаться с новым президентом России. Тогда, правда, Медведев в Кремле сидел, с ним связываться не стали, ждали, когда Путин вернется, а тут и нас самих «открыли»! Помнишь, Сань, ту четверку в ангаре? Это они и есть, «папы-основатели». Они в тот самый год на Таймыр двинулись – взяли отпуска, и вперед. «Каменные ворота» искать! Один

из тех четверых по паспорту, как и ты, Александром был, Саней то есть, а настоящее его имя было – Сянуме, из нганасан он. В общем, нашли они «фала-футу». Вот и все. А там, с теми воротами, вот что получилось – сам портал, он как бы вделан в ровную такую, плоскую скалу внутри пещеры. На самом портале такие штыри имеются, как бы шпильки толстые, а в скале – отверстия под них. Вот он в целик-то и вставлялся. А когда четверка наша отыскали пещеру, портал там еле держался – отошел он от скалы на метр, половина шпильков наружу. От землетрясения разошлось, наверное. Но наш «квартет» сообразил все мигом. Залезли они в кредиты, заказали кран и кое-как дотащили технику до пещеры. Выволокли оттуда портал, проверили – работает! – и перевезли в Дудинку. Там погрузили на баржу, сплавили по Енисею, а по железной дороге доставили под Москву. Арендовали ангар на заброшенной промплощадке... Дальше им просто повезло – мы-то еще в 60-х нашли на Манге нефть. И качали ее, и заводик поставили, бензин с солярой гнать. Сначала-то «четверка» решила лес трелевать, чтобы с нами не цапаться, лесопилку туда... сюда, то есть, затащили, но разве сравнишь – древесина и нефть? Вон, выйди к путям и считай цистерны в составе. Отсчитал пять штук – это цена «Мерседеса». Вот и все. Конечно, никто им просто так отдавать нефтепромыслы не собирался, но, как всегда, нашлись предатели. А когда все закрутилось, и деньги валом пошли, наши сотнями стали продаваться проклятым импе-

риалистам... Нет, я их понимаю и не осуждаю. У кого-то семья, дети... Жить-то как-то надо. А кто не был согласен, те в леса ушли... С боями. Живут далеко на севере, где джунгли кончаются, а начинаются степи и озера, или на запад переселялись, целыми караванами уходили за третий, за четвертый хребет.

Искали, где бы им прописаться, и чтобы никто их не трогал. А я, можно сказать, бродяжничал. Ходил на север, ходил на юг, поднимался на лодке по Герру... В Новой Ялте меня опознали, как террориста, и сюда этапировали. Вот и все...

Я подумал, что Кузьмич многого, очень многого не договаривает, но промолчал. Бунша и так разоткровенничался, не стоило его и дальше «колоть» – придет время, сам все скажет.

– Хотите, верьте, хотите, нет, но я вам завидую, – серьезно сказал Эдик и встрепенулся. – А видали вы купольный город у Одиноких гор?

– Видывал, видывал... – усмехнулся Бунша. – Здоровенный такой купол, с километр в поперечнике, прозрачный. Ворот там нет, а внутрь надо было через маленький такой лабиринтик попадать...

– Так вы и внутри были?! – охнул Лахин.

– А как же, заживал. Ночевал там. Тот лабиринт с каким-то секретом – не пропускает снаружи воздух, что ли. Совсем другие запахи внутри, и растения всякие... Я таких нигде больше не видел. И дома странные – на грибы похожи,

или на волчки. А самое удивительное – не пустой он, тот город. Никого там нет, тишина полнейшая, но везде чисто, на дорожках ни одной хвоинки. Будто какая сила за порядком следит.

– Здорово...

– Здорово! – хмыкнул Кузьмич. – Что – город... Ты вот про Цитадель слыхал?

– Кто ж про нее не слыхал!

– Я не слыхал, – сказал я, и оба, Лахин с Буншей, сильно оживились. – Что за Цитадель?

– О-о-о... – затыкнул Кузьмич. – Цитадель – это мечта любого здешнего сталкера. Кстати, «папы-основатели» обещают сразу выдать миллиард тому, кто эту Цитадель найдет. Так-то. Первым ее нашел тутошний Магеллан и Колумб, Клишин его фамилия. Было это лет восемь тому назад или даже раньше. Клишин первым поднялся по Герросу, добирался до равнины за Одинокими горами, выходил к Большому озеру – это там дальше, на севере. Слабость у него тоже была – любил он выпить. И вот как-то по пьяни рассказал об одном месте. Туда, дескать, ведет прямая широкая дорога, прямо по джунглям, а потом видишь, как Эдик выражается, циклопическое сооружение. Вроде как крепость, только все там давно мертво – и орудия всякие, и... и все, короче. Все, кроме одного – госпиталь продолжает... того...

– Функционировать, – нетерпеливо договорил Лахин, перехватывая инициативу. – Клишин рассказывал, что там зву-

чит Голос, что он спрашивал его, как всякий доктор, и вылечил ото всех болячек. Только там не госпиталь, и вообще не медцентр – в Цитадели не лечат, а восстанавливают. Принесешь туда тяжелораненого – поставят на ноги. Притащишь раскуроченный компьютер – починят, как новый станет. Дерево засохло – оживят.

– Так и я о том же, – перебил его Бунша. – Только никто Клишину не поверил. Тогда он уговорил одного инвалида, одноногого и однорукого – на лесопилке «укоротили» – и отвел калеку в Цитадель. Через неделю вернулись оба – у каждого по две руки, по две ноги, а Клишин еще и от алкоголизма вылечился. Поверили им... Неделю спустя Клишина нашли мертвым. Пытали его и паяльником, и... Большой был набор инструментов. Вот и все. А калека бывший сбежал, в лес ушел. Вот с тех пор все ту Цитадель ищут, а найти не могут. И с самолета искали, и так, да все без толку.

Я задумчиво кивал, стараясь не глядеть в огонь. А то потом, когда в темноту глянешь, не увидишь ничего. И никого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.